СЛУЖЕБНОГО
ОЛЬЗОВАНИЯ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган
правления Союза писателей
СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 37-й | № 30 (3953) | ЧЕТВЕРГ, 10 МАРТА 1966 г. | ЦЕНА 4 коп.

одной строкой

«...Построить системы газопроводов Средняя Азия — Центр, Западная Сибирь — Европейская часть СССР».

(Из проекта Директив XXIII съезда КПСС).

ТОЛЬКО НАЧАЛО

— Неделю назад мне пришлось участвовать в работе Тюменской областной партийной конференции, — комментируя эту строку из проекта Директив, сказал нашему корреспонденту заместитель министра газовой промышленности СССР Ю. И. Воксерман. — Слушая доклады и выступления делегатов, в которых выдвигались важнейшие вопросы роста нефтяной и газовой промышленности, я невольно вспомнил о том, что только два года назад здесь, в Тюменской области, началось освоение богатейших месторождений, равных которым нет в стране.

Запасы нефти и газа на этой огромной территории в полтора миллиона квадратных километров действительно уникальные. В последнее время за границей поднят большой шум вокруг найденных месторождений газа в районе Голландии. На севере Тюменской области по существу лишь только начали поиски газа — здесь пока пробурено первых тридцать скважин — и открыто четыре крупнейших месторождения с запасами газа в два раза больше голландских. Это только начало! Геологи считают, что запасы одной лишь Западной Сибири в три-четыре раза превысят все вместе взятые кладовые газа, выявленные до сих пор в разных районах страны.

Сейчас завершаются работы на трассе газопровода, который соединит подземные кладовые севера Тюменской области с Уралом.

В небывало трудных условиях ведется строительство нефтепровода Усть-Балык—Омск. В эти дни из Губкинского месторождения — одного из самых крупных — отправились изыскатели на трассу нового газопровода на Урал. В ближайшее время начнется проектирование мощной системы газопроводов Западная Сибирь — Европейская часть СССР, равной которой нет нигде в мире. Здесь впервые в газопроводной практике будут применены трубы больших диаметров до 1 400 миллиметров включительно. Что даст народному хозяйству это новшество? Если бы эту систему строили даже из труб диаметром 1 020 миллиметров, — пришлось бы затратить на миллион тонн труб больше, то есть столько, сколько мы израсходуем в 1966 году на сооружение всех газопроводов.

Из месторождений Узбекистана и Туркмении через пустыни Кызылкумы и Каракумы шагнули наши колонны газостроителей, сооружая другую, не менее мощную систему Средняя Азия — Центр.

Так в двух разных «углах» страны рождаются важные районы добычи самого дешевого и удобного топлива и сырья для химии — природного газа.

Из небольших в недалеком прошлом месторождений, газопроводов длиной в десятки километров родилась большая газовая индустрия страны. Люди, создающие ее, шагают по трудным маршрутам, соединяя стальными руслами магистралей газовые районы в единую могучую сеть газоснабжения страны.

НАВСТРЕЧУ XXIII СЪЕЗДУ КПСС

ПЯТИЛЕТКА ТВОРЧЕСТВА

Фатех НИЯЗИ

Я НЕ ОШИБУСЬ, если скажу, что сегодня все советские писатели размышляют над очень серьезным, важным документом, определяющим нашу жизнь, наши планы на пять лет вперед, — проектом Директив XXIII съезда КПСС. И, разумеется, как бы соразмеряют свои творческие замыслы с теми задачами, которые поставлены перед страной этими Директивами.

В связи с большими событиями нашей жизни, такими, как партийный съезд, хочется говорить об успехах в работе писательской организации, о лучших произведениях последних лет, вспоминать удачи друзей. Но я воздержусь от этого и отложу такого рода разговор на будущее, на время съезда таджикских писателей. Надеюсь, мои собратья по перу не обидятся, если я не назову здесь их имен, вполне достойных упоминания.

Я хочу сказать об интернациональном долге писателя, о долге литератора — воспитателя такого светлого и могучего чувства, как дружба народов. Может быть, это покажется слишком общей темой, но я хорошо представляю себе, как велика всегда наша ответственность именно в этой сфере. И мы, писатели, по-моему, можем внести в это огромной важности воспитательное дело большой конкретный вклад.

Я возьму лишь одну сторону этого вопроса — творческие связи между литераторами нашей многонациональной Родины.

Таджикская писательская организация постоянно поддерживает прочные творческие связи с коллегами из других братских республик. Стремление к взаимодействию и взаимообогащению наших культур, к прочным и действенным интернациональным связям проявлялось у нас всегда.

За последние годы литературные декады и недели приобретают все более деловой, творческий характер и при всей своей праздничности становятся более рабочими, а следовательно, еще более полезными.

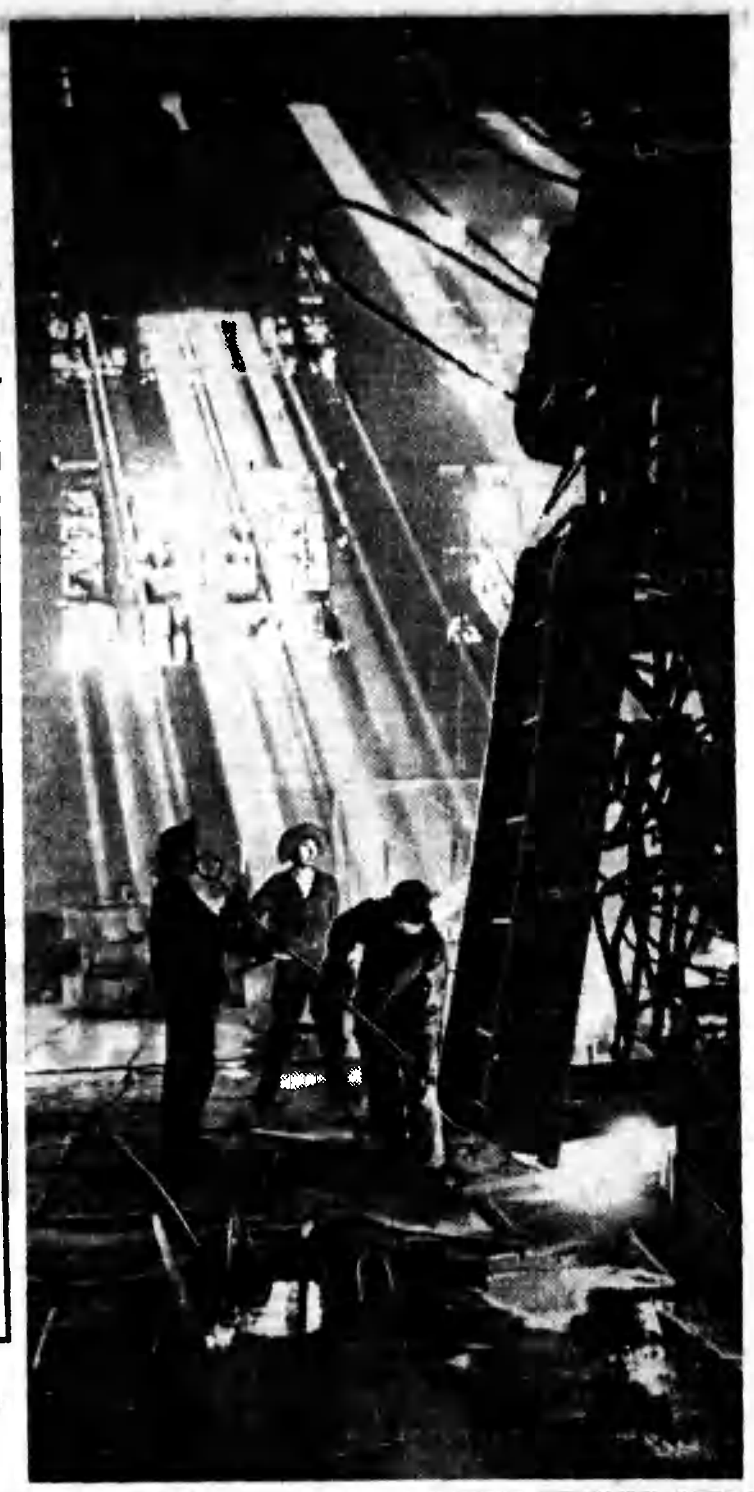
Мы стали готовиться к декадам и неделям за год-полтора: переводим произведения наших друзей, щедро издаем сборники, антологии, книги, знакомим читателей с творческим путем писателей братских республик. В переводе — и это делается правилом — принимают участие самые квалифицированные наши поэты и прозаики. Не могу не вспомнить в связи с этим отличные переводы Мирзо Турсун-заде произведений Зульфии. Мы стремимся к тому, чтобы читатели знали творчество литераторов, которые приезжают к нам в гости, знали лучшие образцы братских литератур. Помню, как жители отдаленных горных районов во время встреч с белорусскими писателями читали им стихи Якуба Коласа и Янки Купалы на таджикском языке...

Встреча без конца, дружба без конца, братство навек — так, пожалуй, правильнее всего назвать писательские связи. Это ощущение укрепилось в нас, когда мы были гостями России и Азербайджана. И то же почувствуют, я уверен, наши армянские и русские друзья, приезд которых в Таджикистан планируется на этот и следующий годы. Мы уже готовимся к предстоящим встречам, готовятся и наши читатели — самые главные ценители литературы, основные герои наших произведений.

Эти ощущения, эти чувства, пережитые очень лично, необходимы писателю — тогда он сможет лучше, ярче, вдохновеннее передать их народу.

Поездки в братские республики важны не только для знакомства с литературой и культурой, но и для наблюдения за повседневной жизнью, героическими буднями тружеников этих республик. Скажем, белорусские писатели после поездки по Таджикистану заинтересовались Нурекской ГЭС, где работают представители многих народов страны. Заинтересовались историей Нурекского ущелья, где в прошлом веке, во время народного восстания, были разбиты войска эмира; где красноармейцы гнали басмачей; где была создана впервые в республике шоссейная дорога; откуда теперь станут светить нам тысячи новых лампочек Ильича... И об этом, и о многом другом будут написаны романы и повести, рассказы и стихи — то, что станет вкладом писателей в будущую пятилетку.

Я уверен, когда войдет в действие новая пятилетка, наши друзья у нас, а мы в других республиках отыщем еще больше интереснейших тем, в которых попытаемся раскрыть многообразие и размах жизни нашей многонациональной Родины, столь богатой истинной дружбой народов. Ради этого стоит жить и работать.



НАШ СОВРЕМЕННИК

Из снимков, поступивших на фотоконкурс.

СТАЛЕВАРЫ.

Фото Ф. Габдулина

ЛГ интервью

КНИГА ДЛЯ МИЛЛИОНОВ

ПИСАТЕЛЬ и политическая литература... В последнее время особенно окрепли творческие контакты Издательства политической литературы, или, как его сокращенно называют, Политиздата с литераторами.

— Как зародилась дружба писателей с издательством? — спросил наш корреспондент Ал. Рыбаков директора издательства М. А. [illegible]

— Еще несколько лет назад писатель был редким и, по правде говоря, случайным гостем в Политиздате, — ответил он. — Встретить в какой-либо из наших двенадцати редакций известного литератора можно было, как говорится, только по большим праздникам. [illegible] в наших планах значились произведения художественного слова. Таких книг мы почти не выпускали. Поэтому и писатели не стремились к творческому содружеству с Политиздатом. Правды ради, надо отметить, что мы сами долгое время считали, будто создание политической книги является делом исключительно ученых в области общественных наук или партийных работников.

Но вот инициативная группа московских писателей-коммунистов предложила редакции историко-партийной литературы Политиздата создать большую книгу художественно-документальных рассказов о друзьях и соратниках Ленина. Эта коллективная книга, по мысли ее составителей, должна была познакомить наших — особенно молодых — читателей с сорока отважными революционерами, друзьями и соратниками Владимира Ильича.

Замысел сборника был одобрен, и сорок литераторов занялись изучением первоисточников, архивных материалов, искали и находили родственников и друзей революционеров.

Книга «У истоков партии», как известно, вышла в свет стотысячным тиражом и быстро разошлась. С одобрением встретили ее читатели и критики. Но, как справедливо заметила в своем предисловии Елена Дмитриевна Стасова, «литераторы не должны посчитать свою задачу завершенной». Сорока именами нельзя исчерпать число людей, даже очень близких Владимиру Ильичу.

— Что же решило издательство?

— Мы задумали продолжить книгу. Сборник «У истоков партии» стал первой книгой ПЯТИТОМНИКА рассказов о друзьях, соратниках и современниках В. И. Ленина. К свету вышло уже три тома из пяти: «У истоков партии», «Партия шагает в революцию» и «Светом ленинских идей». Четвертая книга — «Ленинская гвардия планеты» — подготовлена к печати и скоро появится на книжных полках магазинов и библиотек. Завершающий, пятый том — «Мы наш, мы новый мир построим» выйдет в юбилейном, 1967 году.

— В чем, на ваш взгляд, секрет успеха выпущенных книг?

— В том, что опубликованные в них рассказы обогащены фактами, сведениями, раньше остававшимися неизвестными широким кругам читателей. И в том, разумеется, что они написаны известными писателями: К. Фединым, В. Катаевым, А. Сурковым, С. Сартаковым, А. Караваевой, А. Беком, Е. Драбкиной, Я. Ниедре, Г. Маари, П. Панчем, Ю. Смоличем и еще многими, многими другими.

— Каковы дальнейшие планы издательства?

— Во время работы над пятитомником возникла мысль о новой серии художественно-документальных повестей, посвященных выдающимся революционерам мировой истории. Приступая к выпуску этой серии, Политиздат создал редакцию художественной литературы, или, как у нас ее называют, редакцию серии «Пламенные революционеры».

Эта серия включает в себя произведения художественно-документальной прозы, воссоздающей образ героя, показывающей становление и развитие его характера. В то же время в такой книге не допускается произвольный вымысел, не могут быть придуманные действующие лица. Рождается новый жанр исторически правдивых, во всем достоверных произведений, обладающих огромной силой воздействия и на умы, и на сердца читателей.

Мы ждем рукописей и надеемся, что первые книги серии «Пламенные революционеры» выйдут в свет к 50-й годовщине Октября. Среди авторов этих будущих книг — Б. Агапов, А. Борщаговский, З. Воскресенская, Е. Габрилович, Ю. Герман, Иса Гусейнов, А. Коптяева, В. Осипов, С. Сартаков, К. Седых, М. Стельмах, В. Шкловский, Г. Шторм и другие.

— Видимо, участие писателей в ваших изданиях не ограничивается только этими сериями?

— Минувшие годы сдружили писателей с издательством. И. Гуро, А. Злобин, В. Карбовская, К. Лапин, С. С. Смирнов создали много интересных книг на темы воспитания и морали.

Нас очень радует крепнущее содружество Политиздата с литераторами. Второй год при нашей Главной редакции плодотворно действует общественный художественный совет писателей под председательством Георгия Маркова. Друзья-литераторы помогают нам поднять на более высокий уровень политическую книгу для миллионов советских людей.

ЧИТАЯ ПРОЕКТ ДИРЕКТИВ...

РИС—НОВОСЕЛ

НА этой земле, умерщвленной солью, принесенной грунтовыми водами (рядом и Черное, и Азовское моря), даже неприхотливая колючка — скудный овечий корм — и та пропадала. Куда ни глянешь — прокаленные яростным зноем солонцы. Можно ли ждать от них чего-нибудь доброго, радующего?

Можно, оказывается!

Смотрите: вот уже на многих солончаках шумят нивы! Все объясняется коротко и просто: идет большая вода...

Вообще-то вода и мелиорация — старые знакомые земледельца юга. И сто лет назад, где было возможно, поливал он виноградники, сады, плантации. И сейчас дождевальные машины, артезианские скважины, мелкие каналы питают влагой 80 тысяч гектаров крымской земли. Но как быть с солонцами, которых в степях Северного Крыма четыреста с лишним тысяч гектаров?

Возможности «малого орошения» ограничены. Дождевальной установкой или артезианской скважиной не вернешь солонцу плодородия, лишь отложений соли на поверхности станет больше. Но то, что непосильно «малому орошению», успешно исправляет большая вода. Глубоко проникая в солонцовые почвы, она старательно отмывает их, собирает легко растворимые хлористые и сернистые соли и уносит их прочь. Делает это пришедший на помощь людям древний богатырь Днепр Славутич. Здесь же протянется трасса Северо-Крымского канала. По ней и пройдет днепровская вода.

Строители канала лишь наполовину приблизились к намеченной цели, но уже и сейчас видны разительные перемены в засушливых степях. Здесь возникает новая житница — житница белого зерна. Вместе с большой водой сюда пришел рис. Перспективы этой новой житницы белого зерна очень отрадные: в проекте Директив по пятилетнему плану развития народного хозяйства предусмотрен широкий размах работ по орошению засушливых районов юга Украины и рисосеянию. Бесплодные земли станут плодородными. И вот читая об этом в проекте Директив, я вспоминаю о том, что видел этим летом на юге Украины. Хотелось бы рассказать и о том, что уже сделано, и о том, что надо сделать.

СКАЖЕМ прямо, зачинатели украинского рисосеяния — земледельцы Скадовского района на Херсонщине не очень-то охотно брались за новое дело. Все было неожиданно и необычно. Рисовые чеки — это ведь совсем не то, что хлебное поле. Надо снять верхний слой почвы на безжизненном солончаке, выровнять поверхность, внести удобрения, посеять зерна риса и залить их слоем воды. Технология, как видите, для хлебороба непривычная! Что будет?

Первые же опыты развеяли сомнения. Новосел обосновался прочно.

Долгие годы крымский совхоз «Пятиозерный» никого не радовал — убыточное хозяйство! И вдруг в 1964 году у «Пятиозерного» почти 900 тысяч рублей чистой прибыли. Откуда? Прибыль дал рис. Агитировать за него уже не нужно было, и если в первый год совхоз засеял 1806 гектаров, то на другой площадь под рисом достигла четырех тысяч гектаров.

Широко и уверенно шагает новосел. В минувшем году у херсонских рисоводов было уже более семи тысяч высокоурожайных гектаров.

Я беседовал с заведующим сельскохозяйственным отделом Крымского обкома партии Иваном Федоровичем Галухом о перспективах и проблемах рисосеяния в Крыму. Выявляются две основные задачи, которые надо решать, — подготовка кадров опытных рисоводов и механизация всех работ на рисовых чеках. Первую задачу можно решить и уже решают на месте, а вот со второй дело сложнее — нужно продумать и создать весь комплекс технической оснастки.

Самоходный комбайн СК-4 послужил основой для создания рисоуборочного комбайна на гусеничном ходу. Этот комбайн-гибрид вполне доказал... свою неприспособленность к уборке урожая. Два-три раза пропускают через комбайн скошенный жатками рис, и все же значительная часть зерна бесследно пропадает или превращается в сечку. Средняя производительность комбайна на подборе обычно не превышает одного гектара за день. Черепаха, а не машина! Прямое же комбайнирование оказывается и того хуже. Сырая солома забивает комбайн, не дает возможности вымолачивать зерно. Рисоводы взывают к машиностроителям: дайте работоспособный комбайн, но призывы эти все еще остаются тщетными.

И рисоводы вынуждены заниматься «технической самодеятельностью». Если посмотреть на машины для очистки риса, на них нельзя обнаружить марку завода-изготовителя: заводы таких машин не выпускают. Их создают сельские умельцы: собирают из деталей, взятых от всевозможных машин, которые пришли в негодность. Каков технический уровень этих поделок, понять нетрудно. Повсюду нехватка и других машин и механизмов, которых недодают заводы, — жаток, прицепов, копновозов, гидронавесок, подборщиков к комбайнам...

Возникла еще одна очень острая проблема, которую без механизации никак не решишь: как быть с рисовой соломой, куда ее девать, что с ней делать? Если эти вопросы волновали еще в прошлом году, когда на Украине рисом было засеяно 12 тысяч гектаров, то в этом, когда под рис отводится площадь вдвое большая, «проблема соломы» становится еще более серьезной.

Рисовый чек — это ведь не обычное хлебное поле. По рисовому чеку трактор с волокушей не пустишь: пострадают не только валики по краям, но и поверхность самого чека, ровная, как стол, где отклонение в пять сантиметров — предел. Пока соломы было мало, избавлялись от нее просто — сжигали. А вот как быть дальше, когда соломы станет в несколько раз больше? Ее всю не удастся сжечь без вреда для тех же чеков. Да и разумно ли уничтожать отличное сырье, которое можно использовать для получения высококачественной бумаги и для изготовления предметов обихода?

Итак, куда девать рисовую солому? Об этом придется подумать работникам институтов, конструкторских бюро и опытных станций, изучающих вопросы выращивания и уборки риса. Само по себе возникновение «проблемы соломы» свидетельствует о том, что в этом новом деле надо быть очень предусмотрительным, иначе малые просчеты превратятся в большие помехи. Тут уж нужна подлинно новаторская зоркость.

В БОЛЬШОЙ хлебный амбар страны Украина ссыпает белое зерно. Сегодня — десятки тысяч тонн, завтра будет вдвое-втрое больше. Поэтому и нужно убрать побыстрее все помехи на пути к «большому рису».

В. САДОВСКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ХЕРСОН — СИМФЕРОПОЛЬ

ИСКУССТВО ПОЗНАВАТЬ МИР

Встреча ученых и писателей

МЫ УЖЕ привыкли говорить о небывало бурном развитии науки и техники XX века. С каждым днем обогащаются наши представления о мире и человеке, подвижными становятся границы между «возможным» и «невозможным», «вероятным» и «невероятным»...

Но ведь наука — не единственная форма познания мира, освоения его. Как влияет наука на искусство? Обогащает ли в свою очередь искусство науку? Как взаимодействуют между собой мысль научная и мысль художественная? Справедливо ли, что современное искусство отстает от научного прогресса?

Вопросы эти актуальны. В последние годы они привлекают большое внимание, вызывая порой ожесточенные дискуссии у нас и за рубежом. Обсуждению этих проблем был посвящен состоявшийся в конце февраля в Ленинграде симпозиум «Творчество и современный научный прогресс», в работе которого приняли участие писатели, ученые, деятели культуры.

Еще недавно в спорах на эту тему речь шла главным образом о взаимоотношениях «физиков» и «лириков». Но, как отметил в своем докладе профессор Б. Мейлах, это лишь одна, причем не самая важная, сторона дела. Задачи симпозиума были определены Б. Мейлахом как изучение особенностей научного и художественного творчества, их связей и противоречий.

На симпозиуме состоялся живой обмен мнениями. Было прочитано около 40 докладов, разносторонне освещающих поставленные вопросы.

Наука и искусство обладают внутренней спецификой и идут в освоении мира разными путями. «Наука познает все, даже человека, применительно к мирозданию. Искусство познает все, даже мироздание, применительно к человеку»,—удачно сказал критик Б. Рунин.

Между этими двумя формами духовной культуры есть свои границы, но не существует непроходимой пропасти. Научно-технический прогресс последних лет оказывает многообразное влияние на литературу и кинематограф, музыку и театр. Об этом говорили писатель Д. Гранин, народный артист СССР Н. Акимов, музыковед Л. Термен.

Разумеется, нельзя понимать воздействие науки на искусство упрощенно. Кинематографическое видение мира, как интересно и убедительно показал в своем докладе народный артист СССР Г. Козинцев, возникло не вследствие технических изобретений, а задолго до них. Оно зарождалось и складывалось еще в творчестве художников и писателей XVIII века, а затем у Бальзака, Золя, Достоевского.

Интересная попытка проследить, как изменение естественнонаучных представлений о мире своеобразно выразилось в творчестве Толстого, Достоевского, Некрасова и Щедрина, в драме, романе и кинематографе XX века, была сделана в докладах филологов В. Иванова и Я. Билинкиса.

Другие аспекты этой проблемы затронули представители точных наук.

О применении кибернетических методов к изучению творческих процессов убежденно говорил известный хирург, лауреат Ленинской премии профессор Н. Амосов.

Что заключает в себе столь распространенное в наше время понятие научной информации? Применимо ли оно к художественной литературе? Как можно определить ценность информации в искусстве? Свою точку зрения на эти вопросы высказала И. Грекова, выступившая на симпозиуме как писательница и как ученый.

Писатель Д. Данин поделился своими мыслями об эстетических принципах построения научно-художественных произведений. Это большая литература, предметом которой являются не научные проблемы сами по себе, а научные поиски, неотделимые от человеческой личности.

Спор вызвал вопрос о роли человека — наблюдателя и исследователя — в процессе научного и художественного познания. Можно ли категорически утверждать, что ученый, в отличие от художника, стремится устранить себя из процесса исследования? По-видимому, в современной науке дело обстоит сложнее.

В идеологической оценке проблем взаимодействия искусства и техники марксизм решительно противостоит широко распространенным на Западе теориям современного техницизма. Советским ученым и деятелям культуры чужда фетишизация технических открытий. Как справедливо говорилось в докладе философа З. Гершковича, прогресс или упадок искусства зависят не от техники, а от содержания тех духовных ценностей, которые посредством техники распространяются.

Поэтому с особой силой прозвучала на симпозиуме мысль об огромной роли искусства и гуманитарных наук в жизни общества.

Искусствовед Н. Дмитриева напомнила, что в искусстве сливаются воедино задачи познания, созидания и духовно-нравственного общения людей. В гуманитарных науках нарастает потребность сближения с художественными методами познания. Знаменательно, что философские, психологические, исторические, социологические работы в наши дни нередко перерастают в жанр «художественного исследования».

Но не только гуманитарные науки испытывают влияние искусства, его методов. Крылатыми стали слова Пушкина о том, что вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии. Профессор Б. Кузнецов, автор известных книг об Эйнштейне и Галилее, посвятил свой доклад эстетическим критериям в современной науке. «Внутренним совершенством», «высшей музыкальностью» обладает та научная система, из которой максимально исключен произвол. Сегодня с полным правом можно говорить о «поэтике» физики и математики.

Дискуссию вызвало утверждение профессора Б. Кузнецова о парадоксальности научного мышления. Всем известно замечание Нильса Бора о том, что теория должна быть «безумной», чтобы быть правильной. Многие склонны относить это лишь к современной науке. Но выдающиеся научные теории, по мнению Б. Кузнецова, всегда отличались смелостью и неожиданностью, всегда были «безумными». «Очевидность» и «здравый смысл» опровергали и ньютоновский закон тяготения, и гелиоцентрическая теория Галилея. Наука и искусство все дальше уходят от эмпирической «очевидности» и «наглядности» к исследованию не наблюдаемых непосредственно явлений.

С особым интересом обсуждались на симпозиуме проблемы фантастики в современном искусстве. Писатель Геннадий Гор так определил основной пафос научно-фантастической литературы: «Реальность научно-фантастического романа — это прежде всего поэтическая и романтическая реальность. Она чуждается статики бытового романа... ищет синтеза существующего и мечты, стремится выйти за бытовой горизонт в бесконечный простор, который открывает человеку социальный и научный прогресс, строительство коммунизма».

О философских и научных основах художественной фантастики, о ее эстетическом своеобразии, о ее воздействии на воображение человека говорили также литераторы А. Громова, Ю. Кагарлицкий, Р. Нудельман, Г. Гуревич, философ Ю. Борев, литературовед А. Бритиков.

Полемика с социологическими концепциями некоторых американских писателей-фантастов содержалась в выступлениях Е. Брандиса и В. Дмитревского.

С большим вниманием выслушали собравшиеся выступление вице-президента Академии наук СССР академика П. Н. Федосеева, отметившего актуальность комплексного изучения творчества, необходимость постоянных контактов писателей, ученых и деятелей искусств.

На Западе порой высказываются пессимистические концепции о непреодолимом разрыве между наукой и искусством. Советские ученые и деятели искусств убеждены во внутреннем единстве всех форм духовной деятельности человечества, призванной служить делу прогресса.

Полезную инициативу проявило Ленинградское отделение Союза писателей РСФСР, организовав симпозиум по современным мало изученным наукой проблемам.

М. ВОЙКО,
наш спецкор.

ЭТО НАШЕ ДЕЛО

ПИСАТЕЛИ УКРАИНЫ ОДОБРЯЮТ ПРОЕКТ ДИРЕКТИВ

В Киеве состоялось открытое партийное собрание литераторов, обсудивших проект Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы. С докладом выступил секретарь партийного комитета Союза писателей Украины В. Козаченко.

— В проекте Директив предстоящего съезда партии, — сказал докладчик, — есть пункты, которые имеют прямое отношение к нашей работе, в них говорится о литературе и искусстве, о печати и т. д. Но и все остальные тезисы, все разделы этого документа [illegible] имеют непосредственное отношение к писателям, и мы должны своим творчеством способствовать выполнению ответственных задач нового пятилетнего плана.

В прениях выступили Ю. Збанацкий, А. Хижняк, Л. Дмитерко, М. Пригара, А. Турчинская, А. Хоружий, А. Пидсуха, М. Шумило. Участники собрания внесли ряд важных предложений по ряду важных народнохозяйственных проблем.

Собрание приняло резолюцию, в которой единодушно одобрило проект Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.

КИЕВ. (Наш корр.)

Форум теоретиков литературы

В связи с выходом в свет третьей, последней книги коллективного труда «Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении» научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития мировой литературы в современную эпоху» при Отделении литературы и языка АН СССР 14 и 15 апреля проводит в Москве обсуждение этого тома, а также и проблематики всего труда в целом. В обсуждении примут участие виднейшие теоретики литературы — представители Академии наук СССР, Союза писателей СССР, Академий наук союзных республик, многочисленных университетов страны, научно-исследовательских институтов [illegible] в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах.

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ, ХОЗЯЙСТВО, НАУКА

В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат экономических наук

ГДЕ ГУСТО, ГДЕ ПУСТО...

Большинство взрослых жителей нашей страны, говорит статистика, хотя бы раз в жизни переселялись.

Ни в одной стране мира миграции населения не имеют такого размаха и значения, как в СССР. В 1926 году, например, горожанином был каждый шестой житель страны. А сегодня в городах живет более половины советских людей. Сформировались громадные сгустки городского населения в Центре, на Урале, в Донбассе, Кузбассе. В десятки раз увеличилось население многих окраинных областей (Мурманской, Камчатской и др.). Все это — результат миграции, неразрывно связанной с важнейшими хозяйственными процессами. Каждому ясно, что без переселений невозможно было бы осуществить индустриализацию страны и многое другое.

Однако я взялся за эту статью не для восхваления миграций. Успехи наши тут несомненны. Однако, как специалисту, мне хорошо известны и серьезные недостатки в этом большом деле.

Глубоко убежден, что рационализация миграционных процессов в значительной мере способствовала бы росту нашего народного хозяйства.

Не пытаясь объять необъятного, буду говорить о миграциях лишь в связи с размещением населения. От решения этой проблемы во многом зависят эффективное использование трудовых ресурсов страны, производительность общественного труда.

Хозяйственная реформа, провозглашенная в решениях сентябрьского Пленума ЦК (1965), приведет к более экономному использованию труда. Постоянного перераспределения рабочей силы требует и неуклонный технический прогресс в народном хозяйстве. Резко изменилась за последние годы и демографическая ситуация: в рабочий возраст вступает многочисленная молодежь, родившаяся после войны.

В проекте Директив XXIII съезда партии говорится: «Обеспечить рациональное использование трудовых ресурсов во всех районах страны, вовлечение в производство или на учебу молодежи, и подростков, оканчивающих общеобразовательные школы; лучше использовать в течение всего года рабочую силу в деревне».

Задача это огромной важности, решить ее непросто. Между тем эффективной системы регулирования миграций в стране нет.

Основной недостаток размещения населения, с экономической точки зрения, — это его неравномерность, это резкое несоответствие наличных трудовых ресурсов потребности в них в каждом данном месте.

Сильнее всего это несоответствие выражено в сельском хозяйстве. Так, в 1959 году в колхозах Грузинской ССР имеющиеся трудовые ресурсы в два раза превышали потребность, а в важнейших сельскохозяйственных районах страны — Казахстане и Западной Сибири — не хватало примерно одной трети необходимой рабочей силы.

Исчисляемый миллионами человек избыток трудовых ресурсов в сельских районах Украины, Белоруссии, Молдавии, Северного Кавказа, Закавказья и др. — одна из серьезных причин низкой производительности труда в сельском хозяйстве. Нехватка же людей на селе в других районах сдерживает там рост сельскохозяйственного производства.

Велики различия и в обеспеченности наших городов трудовыми ресурсами.

Недостаток рабочей силы сильно сдерживал до сих пор развитие хозяйства таких перспективных экономических районов, как Сибирь и Казахстан. Избыток трудовых ресурсов в ряде областей в западной части страны заставляет увеличивать там капитальные вложения в хозяйство, даже вопреки соображениям экономичности.

В начале семилетки в стране был составлен план межрайонного перераспределения населения. Намечалось, в частности, значительно пополнить население Сибири и извлечь избыточные трудовые ресурсы с Северного Кавказа.

Что же произошло на деле?

Проведенные нами на основе данных ЦСУ расчеты показывают, что за пять лет (1959—1963) из Сибири убыло на четверть миллиона человек больше, чем приехало туда, а на Северный Кавказ прибыло на полмиллиона больше, чем убыло. И это при условии, что в Сибирь из разных мест, в том числе и с Северного Кавказа, переселились сотни тысяч людей.

За эти же годы уменьшилось сельское население (иными словами, уход людей превысил естественный прирост) в ряде именно тех районов, где и так испытывался недостаток в рабочей силе. И наоборот, — там, где и без того был избыток трудовых ресурсов, население сильно увеличилось.

В чем причины подобных явлений?

Переселения — явление строго закономерное, имеющее свои причины. Основная из них — желание переселенцев улучшить условия своей жизни. Конечно, переселиться человек может только туда, где у него будет возможность получить средства к существованию. Поэтому потребность в дополнительной рабочей силе — непременное условие притока населения в тот или иной район страны. Оговорюсь — это только основа, на которую накладывается много других сложно переплетенных факторов. Сказанное, разумеется, отнюдь не исключает и большого значения моральных факторов, например, в переселении молодежи в новые неосвоенные районы. Дело, однако, в том, что в устойчивом закреплении на новых местах факторы эти играют меньшую роль, чем в решении поехать в Сибирь или Казахстан.

Убыль населения из Сибири — результат того, что она по условиям жизни отстает от районов, куда это население ушло (Украина, Молдавия, Северный Кавказ, Прибалтика и др.).

Условия жизни в местах, где испытывается нехватка рабочих рук, должны быть лучше, чем там, где этих рук избыток. Переселенец должен чувствовать себя на новом месте не хуже, а лучше, чем на старом. Следовательно, чтобы регулировать перемещения людей в соответствии с требованиями народного хозяйства, нужна целенаправленная работа плановых органов по созданию правильных соотношений условий жизни в разных местах.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ КУРЬЕЗЫ

Ведется ли такая работа? Как складываются эти соотношения? Как это ни странно для планового хозяйства, сколь-нибудь точного соотношения условий и — уже — уровней жизни населения разных районов никто толком не знает. Некоторые плановые показатели уровня жизни разрабатываются только по союзным республикам в целом. В новейшей научной литературе отмечалось, что «полностью отсутствуют среди плановых показателей, разрабатываемых по экономическим районам, такие, как реальные доходы, общественные фонды потребления, реальная заработная плата», то есть основные показатели уровня жизни, а также многие другие важные показатели.

Более того, разные отделы госпланов работают без достаточной связи между собой. Один отдел планирует, например, вложения в жилищное строительство, другой — в строительную базу. В результате бывают случаи, когда вложения в строительство жилья нельзя освоить... не из чего просто строить.

Именно из-за недостатков работы плановых органов сложившиеся ненормальные соотношения часто очень долго не исправляются. Приведу пример. Еще в начале 1960 года Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР представил в Госплан РСФСР результаты анализа миграции населения Сибири с характеристикой причин ухода населения в западные районы и системой экономических мероприятий по предотвращению дальнейшего оттока населения из Сибири. Выводов института никто не оспаривал. Но и никаких мер принято не было. Более того, за три последующих года Сибирь еще более отстала от других районов страны по жилищным условиям населения.

Это одна сторона дела. Но есть еще и другая. Кроме индивидуальных, существуют переселения организованные. Ими занимаются переселенческие органы, органы профтехобразования, министерства и ведомства, общественные организации, отдельные предприятия. Казалось бы, уж тут-то переселения происходят как надо, куда надо и откуда надо. При ближайшем рассмотрении, однако, обнаруживается, что действуют эти организации разрозненно, нередко в прямо противоположных направлениях.

Так, переселенческие органы направляют ежегодно в колхозы и совхозы Сибири многие тысячи семей переселенцев из западных районов. А органы профтехобразования прилагают немалые усилия, чтобы вовлечь в свои промышленные, транспортные и прочие училища молодежь из тех же колхозов и совхозов. Переселенческие органы и общественные организации западных районов направляют множество работников на стройки Сибири, а руководители многих строек и предприятий, расположенных в трудоизбыточных районах, приглашают работников... из Сибири, принимают их в порядке перевода (то есть с оплатой проезда и т. д.).

Наконец, отсутствие четкой миграционной политики приводит к форменным курьезам. Несколько лет назад на одном из крупнейших заводов Красноярска мне пришлось наблюдать такую картину. В отделе кадров один инспектор оформлял увольнения молодежи, направляемой по общественному призыву на работу в сельское хозяйство. Другой — здесь же, за соседним столом — оформлял поступление на работу молодежи, прибывшей из сел тех же районов, куда направлялись увольнявшиеся. Поступавшие, по существу, заменяли тех, кого направляли в село.

Неблагоприятные миграционные тенденции и недостаточное знание закономерностей миграции вызвали попытки регулировать перенаселения административно, путем ограничения прописки там, куда нежелателен наплыв населения. Начавшись с Москвы, эти меры распространились на многие большие города. Сегодня можно уже сказать, что они, к великому огорчению, не привели к ожидаемым результатам. Последствия оказались неожиданными. Наиболее ощутимо сказались они как раз на Москве. С одной стороны, при недостатке в ней рабочей силы пришлось принимать специальные решения и завозить в нее определенные категории работников (например, строителей). С другой, — многие десятки тысяч квалифицированных специалистов, не могущих использовать в Москве свои знания и опыт (агрономы, зоотехники, ветеринары, мелиораторы, лесоводы и т. д.) и нужных в других местах, не выезжают из Москвы, ибо это означает невозможность вернуться. Перестали по той же причине выезжать из Москвы и пожилые люди, для которых московские условия отнюдь не идеальны. Видимо, есть необходимость оценить по достоинству полученные результаты, с тем чтобы перейти к более гибкой миграционной политике.

НУЖНО «ГЛУБОКОЕ БУРЕНИЕ»

Наконец, дела научные. На первый взгляд может показаться, что здесь все благополучно.

В самом деле. За последние пять лет литературы по современной миграции издано несравненно больше, чем за предыдущее тридцатилетие. Проведено много научных совещаний с обстоятельным как будто бы обсуждением миграционных проблем. Изучением миграции занялись во многих местах.

Но приглядимся внимательнее. И мы увидим, что научной работой заняты, как правило, одиночки-энтузиасты, обычно загруженные и другой работой. Что в последние годы существенного научного продвижения вперед нет (это, кстати, правильно отметил писатель А. Смирнов-Черкезов в статье «Крайности Крайнего Севера», опубликованной в «Литературной газете» 28 декабря 1965 года). Что вновь приступающие к изучению миграции научные работники вынуждены повторять путь своих предшественников с самого начала, ибо методики изучения миграции населения не изданы (хотя давно разработаны). Что некоторые научные подразделения, которым следовало бы заниматься миграцией, почему-то свертываются (например, бывший Отдел трудовых ресурсов НИИ труда).

Все это, по моему глубокому убеждению, результат недооценки народнохозяйственной и социальной важности миграций, сложности их изучения.

Научная работа в одном отношении сходна с геологическим бурением — чем глубже уходит бур, тем бурить труднее. Очень часто первую тысячу метров сделать легче, чем следующие сто. А в изучении миграций сейчас нужно именно «глубокое бурение».

Назову только одну научную проблему, ожидающую своего решения. Сейчас миграции изучены главным образом качественно. Описаны миграционные явления. Установлены, описаны и классифицированы факторы переселений. Известно, в каком направлении каждый из них действует. Известно и относительное значение важнейших из них. Описаны некоторые последствия миграций. Но ведь для эффективного управления миграцией надо знать меру влияния каждого из важнейших факторов. Установить эту меру можно только трудоемкой совместной работой демографов и математиков, при широком участии нашей статистики.

Вспоминаются 20-е годы. Вскоре после революции в стране был создан специальный Государственный колонизационный институт, который, если судить по печатным материалам, провел большую работу по изучению миграций и условий заселения Севера, Сибири и других районов.

В последние годы научная общественность неоднократно высказывалась за то, чтобы все работы по миграции населения возглавлялись и координировались единым центром.

Заканчивая, выделю самое основное. Для оптимизации миграционных процессов прежде всего нужно разработать научно обоснованный комплекс экономических и организационных мер и создать единую систему органов учета, распределения, высвобождения и перераспределения трудовых ресурсов. Эти предложения не новы. Их реализация, видимо, потребует определенных усилий. Однако нет никакого сомнения в том, что экономические результаты этих мероприятий быстро и многократно окупятся.

ЧИТАЯ ПРОЕКТ ДИРЕКТИВ...

БОЛЬШАЯ ВОДА ПРИШЛА В КРЫМ
См. 1 стр.
●
ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ
●
ОПЫТ, ПРОВЕРЕННЫЙ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯМИ

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

В ГРЯДУЩЕМ пятилетии нам предстоит «увеличить производство готовых лекарств и расширить их ассортимент. Полностью обеспечить население необходимыми медикаментами». Эта директива партии по новому народнохозяйственному плану обращена к важнейшей стороне нашей жизни — речь идет о здоровье советского человека. Для ее осуществления мы должны использовать все возможности, в том числе и те, которые открывают нам накопленные тысячелетиями народные знания по медицине.

В разное время из этого арсенала были заимствованы такие ценнейшие лекарственные средства, как наперстянка, адонис, ландыш, черника, малина, водяной перец и другие. Совсем недавно, лет десять назад, мы узнали великолепное средство «резерпин», полученное из индийского растения раувольфии, а между тем это растение издавна применялось жителями Индии. Целебные свойства пустырника и желтушника были известны в некоторых областях нашей страны значительно раньше, чем стали достоянием медиков. Почечный чай пришел в Европу из народной медицины острова Ява. Березовый гриб чага применяется как противоопухолевое средство во всей лесной зоне СССР. Примеры эти можно было бы продолжить, но, думается, достаточно будет лишь указать, что из 250—300 ныне используемых официальной медициной растений не менее 200 в разное время были взяты из народной.

Интерес к народной медицине не ослабевает со временем. Энтузиасты ее изучения продолжают выявлять десятки новых полезных растений и новые, еще не известные науке, комбинации уже апробированных, старых средств. Они получают сотни писем, в которых сообщается о применении тех или иных растений или о методах лечения ряда заболеваний. Подчас эти сведения заслуживают самого серьезного внимания. Они помогли найти средства для лечения таких тяжелейших болезней, как бронхиальная астма, хроническая пневмония, и некоторых других недугов, с которыми научная медицина (и это подтвердит любой практический врач) пока еще справляется плохо.

Поэтому нельзя согласиться с бытующим еще мнением о том, что народная медицина изжила себя.

К сожалению, иногда не замечают разницы между народной медициной и знахарством. Народная медицина — это совокупность устных сведений о средствах и способах лечения, тысячелетний клинический эксперимент, сохраненный в народной традиции. Знахарство же, чаще всего, — подпольное врачевание с целью наживы, не имеющее никакого отношения к народной медицине.

Конечно, очень хорошо, что современная поликлиника со штатом квалифицированных врачей вытеснила из жизни бабку-знахарку. Но нельзя не бить тревогу по поводу того, что со старой бабкой уходит в небытие и огромный народный опыт, опыт поколений пастухов и пахарей, перепробовавших «на зуб» все растения своих лесов, болот, лугов, степей и полупустынь, многовековой коллективный опыт, который входит в национальную культуру народа.

Нужно подчеркнуть, что опыт этот неповторим. Невозможно снова и снова перепробовать все растения (а их только в нашей стране 17 000 видов!) на все болезни. Крупицы народных знаний нужно собирать как можно скорее, пока они еще не исчезли навсегда.

Нельзя [illegible] народную медицину. Это дело невозможное и [illegible], подрывающее [illegible] научной медицины. Следует, по-видимому, как можно скорее заняться изучением народных традиций, противопоставив знахарству силу научных исследований. И тут приходится признать, что дело в этой области обстоит пока крайне неблагополучно. У нас нет ни одного учреждения, которое занималось бы сбором, изучением и проверкой данных народной медицины. Лишь при Всесоюзном институте лекарственных и ароматических растений (ВИЛАР) существует группа научных работников, которой официально поручено заниматься этими проблемами. Однако современный материал слишком обширен, слишком высокой должна быть степень кооперации между химиками, фармакологами, клиницистами и слишком мала нынешняя база такой группы, чтобы рассчитывать на серьезные успехи.

В других научно-исследовательских и учебных институтах работает еще несколько энтузиастов, изучающих народную медицину. Но много ли они могут сделать, работая в одиночку, без необходимого сырья для исследований, без экспериментальной базы? Часто такой специалист совмещает в одном лице и фармаколога, и ботаника, и химика, что на современном этапе развития науки очень смахивает на кустарщину. При таких условиях даже наиболее настойчивые работники тратят по многу лет, чтобы довести исследование до логического его завершения — создания препарата. А чаще всего дело дальше проверки на животных не доходит даже тогда, когда обнаруживается великолепный эффект: не хватает энергии и времени на преодоление многочисленных трудностей. Ценные работы остаются незавершенными, государственные средства фактически расходуются без ощутимой пользы.

Нужно, наконец, отказаться от кустарщины и поставить изучение народной медицины на современную научно-практическую основу. Внедрение средств народной медицины, использование методов фитотерапии (лечение лекарственными растениями) даст ощутимый эффект и намного пополнит арсенал лечебных препаратов. Для этого необходимо создать реальную базу изучения народной медицины. Ведь даже в странах Западной Европы, где народные традиции куда беднее, чем у нас, существует более десятка лабораторий с клиниками, а во многих странах Азии даже институты народной медицины (МНР, КНР, Бирма).

Мы уверены, что в нашей многонациональной стране следует также создать единый центр, в задачу которого входил бы сбор сведений по народной медицине СССР и сопредельных стран, их экспериментальная проверка, изучение в клинике, внедрение новшеств в производство, а затем в практику. Новый центр должен отличаться от других медицинских учреждений прежде всего своим научно-производственным характером. Помимо научных лабораторий, он будет объединять клиники, экспериментальную фабрику, отделы внедрения и рекламы. Через некоторое время центр этот должен, по нашему убеждению, стать хозрасчетной организацией, которая будет окупать свои издержки за счет выпуска (на экспериментальной фабрике) новых препаратов и растительных сборов (смесей порошков растений), разработанных научными лабораториями, а также изданием популярной литературы о лекарственных растениях.

Весьма важным шагом в достижению рентабельности предлагаемой организации было бы создание хозрасчетной аптеки, снабжающей население главным образом лекарственными растениями и новыми препаратами из них. Пока таких аптек почти нет, но их создание, по нашему мнению, необходимо.

Следует отметить, что многие растительные препараты (цистенал, хологол, роветенекс, ряд туалетных вод с вытяжками из растений: хербасульфан, кармавин и т. д.) наша страна покупает за границей. Деньги на это расходуются большие, а ведь готовят некоторые импортные средства из нашего сырья. Поэтому нам кажется более рациональным изготовлять аналогичные препараты в предлагаемом объединении «Народная медицина». Тем самым мы были бы избавлены от ввоза многих импортных лекарств.

Поточный метод работы центра — из научных лабораторий в производство — обеспечит современный уровень исследований и даст результаты значительно лучшие, чем в настоящее время.

Разумеется, при создании объединения «Народная медицина» можно использовать и существующие у нас учреждения, в частности институт ВИЛАР. Этот институт может стать в фирме «Народная медицина» головным.

Наши предложения об организации единого центра по народной медицине требуют, конечно, обсуждения и уточнений. Но очевидна необходимость значительно шире использовать богатства народного опыта по лечению болезней, чем это делается сегодня.

Директор Ботанического института, член-корреспондент Академии наук СССР профессор **А. ФЕДОРОВ**; начальник ВМОЛА имени Кирова, генерал-полковник медицинской службы профессор **П. ГОНЧАРОВ**; генерал-майор медицинской службы профессор **Г. СМАГИН**; ректор I ЛМИ доцент **А. ИВАНОВ**; проректор ЛХФИ профессор **А. БЕЗБОРОДОВ**; зав. кафедрой фармакогнозии ЛХФИ профессор **Д. ГАММЕРМАН**; заслуженный деятель науки РСФСР профессор **Б. ТОКИН**; зав. кафедрой терапии I ЛМИ профессор **П. БУЛАТОВ**; доктор биологических наук профессор **А. ЯЦЕНКО-ХМЕЛЕВСКИЙ**; полковник медицинской службы профессор **А. АЛЕКСАНДРОВ**; профессор **С. ЗАВОДСКОЙ**.

ЛГ интервью

Александр КОРНЕЙЧУК:

ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

КАЖДЫЙ ГОД в марте, накануне дня рождения великого Кобзаря, мы узнаем имена новых лауреатов премии имени Т. Г. Шевченко.

Наш собственный корреспондент обратился к председателю Правительственного республиканского комитета по премиям имени Т. Г. Шевченко, академику Александру КОРНЕЙЧУКУ с просьбой прокомментировать присуждение премий 1966 года.

— Новая повесть выдающегося украинского прозаика, одного из зачинателей украинской советской литературы Петра Иосифовича ПАНЧА называется «На калиновом мосту». Она написана в автобиографическом жанре. Эту повесть можно смело назвать художественной летописью жизни нашего старшего поколения. В ней рассказывается о бурных годах гражданской войны, о героических свершениях советского народа в годы Великой Отечественной войны, о мирном строительстве. Читатель найдет в книге галерею литературных портретов писателей, с которыми встречался и дружил П. Панч.

Шевченковская премия присуждена и Марии Авксентьевне ПРИМАЧЕНКО. Жительница небольшого села Болотня Иванковского района на Киевщине, она заслуженно считается классиком нашего украинского народного искусства, которое так почитал Тарас Шевченко и которое так вдохновляло его.

Художница постоянно участвует в республиканских, всесоюзных и международных выставках, объединяя в своем творчестве лучшие народные традиции, [illegible] художественную культуру. «Людям на радость» — так называется цикл ее работ, удостоенный ныне высокой премии. Более пяти лет она работала над этими произведениями, получившими, кстати, признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Между прочим, в своем родном селе Мария Авксентьевна создала студию, где обучает школьников и колхозную молодежь искусству, передает им свое мастерство.

Старейший украинский композитор Лев Николаевич РЕВУЦКИЙ удостоен премии за концерт для фортепиано с оркестром. Ученик Лысенко, Лев Ревуцкий отлично передает в своем произведении национальный колорит, песенные интонации. Присуждение Шевченковской премии Льву Ревуцкому — заслуженная награда за многолетний самоотверженный труд.

— Пользуясь случаем, — сказал в заключение беседы Александр Корнейчук, — хочу от имени Правительственного комитета передать через вашу газету сердечную благодарность писателям, композиторам, художникам, всем товарищам, которые своими выступлениями в печати, по радио и телевидению, на читательских конференциях и в многочисленных письмах в наш комитет приняли активное участие в обсуждении кандидатур на соискание Шевченковской премии.

КИЕВ. (Наш корр.)

НАШ СОВРЕМЕННИК

Десантники

Фото М. [illegible]

после статьи

«УВАЖЕНИЕ К ЗЕМЛЕ»

В редакцию «Литературной газеты»

В ОТВЕТ на ваш запрос о мерах, принимаемых по статье писателя Б. Можаева «Уважение к земле», опубликованной в «Литературной газете» 3 февраля, сообщаю:

После опубликования статьи, по моему заявлению, директором Всесоюзного научно-исследовательского института гидротехники и мелиорации И. И. Коваленко была создана комиссия в составе заместителя директора института В. А. Емельянова (председатель), руководителя отдела осушения института И. Ф. Русинова, старшего научного сотрудника К. Н. Шишкова, доцентов Московского гидромелиоративного института Е. С. Маркова и А. А. Богушевского. Комиссии было предложено проверить факты, изложенные в статье Б. Можаева «Уважение к земле».

Письмом от 9 февраля с. г. заместителя министра мелиорации и водного хозяйства СССР И. Н. Бородавченко также предлагалось обсудить статью на заседании Ученого совета института.

Комиссия ознакомилась со статьями, опубликованными директором Мещерской зональной опытно-мелиоративной станции кандидатом технических наук В. И. Антоновым и руководителем отдела экономики, агрономом-экономистом В. Ф. Барашевым в газете «Приокская правда» (№ 129, № 251, № 286 за 1961 г.; № 71 за 1962 г.; № 4, № 6, № 14, № 33, № 38, № 73 и № 172 за 1965 г.); со статьей В. Антонова в журнале «Октябрь» (№ 8 за 1965 г.); с рекомендациями по выращиванию сельскохозяйственных культур на осушенных торфяных и пойменных землях (Рязань, 1965 г.); с научно-техническими отчетами МЗОМС (т. 4 за 1961 г. и т. 4 за 1963 г.)

Комиссия единогласно подтвердила правильность и достоверность цитируемых Б. Можаевым в его статье «Уважение к земле» материалов.

В 1961 году В. И. Антонов и В. Ф. Барашев в перечисленных газетах, а также в научно-технических отчетах, отмечает комиссия, действительно выступали за широкую распашку поймы Оки в Рязанской области (100 тысяч гектаров) только под пропашные культуры без достаточных к тому научных обоснований.

В 1965 году (как это видно из вышеупомянутых статей, а также из научно-технических отчетов) они уже выступали с пропагандой широкого использования пойм с учетом природных особенностей не только под пропашные культуры, но и под травы, без критической оценки своих прежних ошибочных взглядов на использование поймы Оки.

В результате изучения статей, бесед с В. И. Антоновым, В. Ф. Барашевым, сотрудником Мещерской станции Д. Г. Головко, с начальником Рязанского облводхоза Е. А. Сидориным, начальником Мещерской экспедиции Росгипроводхоза Г. Е. Поповым, заведующим сельхозотделом Рязанского обкома КПСС В. Н. Калинкиным комиссия пришла к выводу, что критика Б. Можаевым высказываний В. И. Антонова и В. Ф. Барашева по вопросам распашки и использования поймы Оки только под пропашные культуры является правильной. Действительно, в 1961 году они указывали, что использование пойм под сенные травы ничем не оправдано, что на пойме травополью не может быть места. Эти утверждения, а также рекомендации по распашке 100 тысяч гектаров земель Окской поймы с использованием их только под пропашные культуры, в том числе 80 тысяч гектаров под кукурузу, не имели достаточных научных обоснований и были ошибочны.

Тот факт, что в 1965 году тт. Антонов и Барашев выступали в печати с рекомендациями о целесообразности использования Окской поймы не только под пропашные культуры, но и под травы без критической оценки своих прежних положений, свидетельствует о проявленной ими научной беспринципности, на что правильно указывает в своей статье писатель Б. Можаев.

Заседание секции осушения института по обсуждению статьи Б. Можаева должно состояться 14 марта с. г. с участием представителя Рязанского обкома КПСС. Что касается вопроса о рациональном использовании поймы Оки, то, учитывая просьбу местных организаций, было решено обсудить его на специальном совещании в Рязани с участием специалистов-луговодов и ученых ВАСХНИЛ. В виду особой актуальности вопроса, предполагается создать рабочую группу для выработки комплекса научно обоснованных рекомендаций по наиболее рациональному использованию пойменных земель вообще и в частности земель поймы Оки.

О решении секции «Литературной газете» будет сообщено дополнительно.

Академик ВАСХНИЛ
С. АВЕРЬЯНОВ,
председатель секции осушения ВНИИГиМ

БЛАГОДАРНОСТЬ

Позвольте через вашу газету передать сердечную мою признательность, глубокую благодарность всем организациям, друзьям, товарищам, дорогим моим землякам-одесситам, поздравившим меня с 70-летием со дня рождения и 50-летием литературной деятельности.

[illegible]

НАЗВАЛСЯ ГРУЗДЕМ...

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

«ПЕРВАЯ книга поэта» — эти слова стали поистине фразеологическим сочетанием. Куда ни взглянешь, — в журнальной ли статье, на стенде ли книжных магазинов, на афише, извещающей о читательских конференциях, — отовсюду глядит на тебя увеличенная, как под микроскопом, первая книга поэта.

Между тем поэт редко начинается с первой книги.

Первая книга у моих сверстников появляется в среднем в 20—25 лет. Она пишется на лекциях, в метро, в походах. Она лежит на дороге. Поднявший ее — не обязательно талантливый человек. Он может быть просто любопытным.

Не то со второй книгой. Если только она не отставший от первой близнец, она должна представить автора в новом поэтическом качестве. С этих, вторых, сборников ведут свое «летосчисление» поэты.

Будь даже первая книга безусловной удачей, — вторая должна равнять ее.

ТРИ новинки у меня на столе — вторые книги молодых поэтесс. Три очень разные, интересные, стоящие пристального рассматривания сборника.

Несколько лет назад в издательстве «Молодая гвардия» вышли «Проталины» — первая книга Светланы Кузнецовой. В них были присущая сибирячке тематика, присущая молодости свежесть. Меня лично обрадовала песенность ее первенца. Внутренняя, инстинктивная. Не способность, а потребность голоса.

В «Соболях», второй книге, С. Кузнецова, несомненно, новая. Мир ее широк. Это Сибирь — такая, какой еще не знала молодая поэзия: в оранжевой облепихе и пирующей жимолости, в снегириных перьях зари и давленой бруснике заката. Сибирь — не станция назначения, а дом родной. Сибирь — не «слово ходкое», а «неразмотанное приданое». Горячая родина, любовь и сила поэтессы.

То, что в первой книге было «тематикой», тут стало глубоким нравственным содержанием. Поэтическое оснащение сборника богато. Другого слова не нахожу. Достаточно прочитать «Елисея», чтобы оценить и диапазон интонации, и выигрышность стилевых переходов:

Ох, и круты у Байкала берега!
Для кого я свои слезы берегла?..
Чей я ночи горевые напролет
Поджидала под Иркутском
самолет?

. . . .

Не суди меня, Елисей, не суди.
Вроде темные, Елисей, на своди.
Видно, я уж такая неладная,
Видно, я уж такая нескладная,
Неуступчивая, неулыбчивая,
На чужую беду неотзывчивая.

Некоторая стилизованность напева меня не смущает.

Каким же слогом я писать о царевиче Елисее, как не былинным!

Но, погружаясь в книгу, чувствую какую-то усталость. Так утомляет арестованная иглой музыкальная фраза. Заело!

Найденный в «Елисее» поэтический ход не отпускает поэтессу. И вот она уже списывает у себя, как нерадивый ученик у отличника: «Я три дня уже гощу в той стране. Уж три дня, как ты забыл обо мне, я три дня уже хожу и пою... Про зеленое веселье мое, про тяжелое похмелье мое»; «Может, я свои руки сожгу! Может, я свою душу сожгу! Может, я свою песню сожгу!»; «Говорила я, говорила, да сама же все заварила, да сама хоровод заводила, да сама огород городила»; «Ты с души моей семь печатей сними! Ты с души моей семь печалей сними! Ты семь дней и ночей надо мной ворожи! Семь заклятий на память мою наложи!»

Стоп! Находка стала приемом. Почти математическим приемом, который можно изобразить с помощью графика. Инерция приема так велика, что поэтесса жертвует ему всем.

Впрочем, нет-нет и пробивается через прием истинно кузнецовское:

Придумываю белые слова,
Чтобы сложить у твоего порога.

Но часто автору не до «белых» слов, ибо неумолимые законы стилизации требуют слов условных. И тогда появляются «ноженьки», «сосенки», «льдиночки», «перышко», «дороженька», «море-озеро», «чаща-чешоба», «придумала, примечтала», «у бела берега», «по белу-белу по свету».

Не подменяет ли Светлана Кузнецова свою естественную песенность песенностью автоматической? Слова — обозначениями? В одном из стихотворений сборника она хорошо сказала: «Мне не хочется завязнуть в твоей насквозь придуманной стране».

Я солидарна с ней.

ЛЮБОПЫТНО, что фольклорная интонация, которая так мила Кузнецовой, ни в ее худших, ни в ее лучших вариантах не манит Ольгу Фокину. А ведь она — северянка. Дом ее под Архангельском. Север, Архангельск, прялки, укладки... Да затяни Фокина что-нибудь былинное, ей бы сам бог простил. Но она, глядите, что делает:

Глинистая,
Обрывистая,
Пахучая,
Сыпучая
Над речонкой круча.
И по-над кручей —
Травы колючие.
А внизу у нее —
Над каждой каплей
Дрожат осоки-резуньи
Обнаженные сабли.

(«Речка Содонга»)

Самый склад ее души требует истинно народных жанров: песни и сказки. Но все они написаны по-разному. Не подходит к ним ни один застывший термин. Какая, например, это интонация:

— Вам купить чего?
— Вам подать чего?
— Молока, — смеюсь, —
Литру птичьего!
— Что так мало-то?
Вкусно птичье-то!
Нам не велено
Ограничивать!

(«Кто не Тарногу?»)

Не знаю, была ли у Ольги Фокиной настоятельная внутренняя потребность после первой книги — крепкого «Сыр-бора» — именно сейчас выпускать второй сборник — «Реченьку». Но я могу понять Северо-Западное издательство, проявившее тут инициативу.

В тоненькую «Реченьку» вошло кое-что из «Сыр-бора». И не все, достойное «дубляжа», как достойна его «Речка Содонга». Тенденция повтора совершенно ясна. Пароль — Север. Северными во что бы то ни стало хотят быть и некоторые новые стихи.

«Шалаш укромный из ветви ели и ольхи», «реки неугомонной бормотанье», «высоты лазурные» — не «северное» и не фокинское это!

Просматриваются в «Реченьке» следы заботы: как бы ни усомнились мы в том, что поэтесса — именно северянка. Зряшное дело! Оставаться Фокиной всегда северянкой, поскольку в ее поэтическом материале «брусничный сок и сок ржаной, и сок березовый». Но поэзия ее вне географических пунктиров.

И когда она говорит: «Ты осмеял мои леса, в них дичи не добыл на варево», — это отнюдь не пререкания лесовички с жителем степной полосы. Это позиция человека, который никогда не примирится с убогим утилитаризмом души.

В первой книге О. Фокиной не было такой многозначности слова — свойства зрелой поэзии.

СЕМЬ лет разделяет первую и вторую книги Эльмиры Котляр. После «Ветки» — в самом названии первенца есть нечто отъединенное — появился обобщающий «Свет-город».

Беспощадная короткость многих стихов может обмануть ожидание. Что за обобщение в двадцати строках?

Но я настаиваю: это именно обобщение.

Обыденность.
Жизни, не выходя за край.
Свой мирок,
и свой [illegible].
Ну вот ты [illegible]
[illegible]
хозяйкой добре.
Зрачок в глазу,
точно ящерица,
то метнется,
то спрячется.
Голос высокий
так и режет осокой:
«Где был?
С кем пил?!»

И после малой посылки большое заключение:

...Я опрошу тебя,
я выявлю:
что ты сделала
с единственною жизнью?

Мерило ценности человеческой жизни, как видим, максимальное.

Высота нравственных критериев у Котляр прекрасно уживается с откровенной любовью к людям, окружающим ее: мечтателям, созидателям, взрослым детям, тихим героям. Поэтесса точно переводит нас через границу будничного. И по эту сторону житейская проза становится поэзией. Прохожие — личностями. Читатели — соавторами.

Трудно сказать, как удается Э. Котляр из повседневного реквизита («лифтерша с разговорами, липучка с мухоморами, в банке гриб, в трубке хрип, пилюли, кастрюли») добывать точность, которая затем становится поэзией. Это ее дело, ее счастье. Я могу это только отметить.

Стихи «Свет-города» необыкновенно «вещны». Если убрать из них вполне конкретные предметы, от Крымского моста до пылесоса, останется сплошное зияние. Но это не та «вещность», в которой погрязают, как в захламленной комнате. В лучших стихах ее ровно столько, сколько нужно поэтессе. Там же, где она передоверяет вещам то, что призвана сказать сама, получаются этюды:

Я видела в степи
медлительных волов
и того возницу,
степного деда...
Я видела хлебов ресничку
и в хуторах сады —
степными гнездами в траве.

В «Свет-город» включено несколько стихотворений из «Ветки». Дело хозяйское. Но, пожалуй, сборник обошелся бы без этого подкрепления. Стремился ли в данном случае автор составить сборник наиболее «неуязвимо»? Право, книгам боязнь «худобы» не должна быть свойственна.

ВИЖУ беглый взгляд перегруженного стихолюба: кого тут хвалят? Кого ругают? Никого не хвалю только, никого только не ругаю. Сама живу в преддверии своей второй книги. И пишу завистливо о том, что хотела бы в ней видеть. И неодобрительно о том, чего себе не желаю.

Да, вторая книга пишется по принципу: «назвался груздем — полезай в кузов». И ничего, что тут есть нота насилия над собой. Надо знать свой плохой предел и сознательно стремиться от него.

обозрение

НОВИНКИ ПОЭЗИИ

КИНОПРЕМЬЕРЫ

вернисаж ЛГ

В зале Союза художников СССР на Кузнецком мосту экспонируется выставка картин заслуженного художника РСФСР Вячеслава Загонена. Сегодня мы публикуем репродукцию с картины В. Загонена «Утро».

новые стихи

Матвей ГРУБИЯН

Перечеркнутое стихотворение

Не получилось ни черта!
Перечеркнул чертой небрежной.
Не та дегтярная черта
Вдруг осью скрипнула тележной.
Телега, с горем пополам,
По беззащитным, не бессильным
Прошла по стонущим словам
И скрылась в перелеске синем.

Теперь второй строфе черед.
В ней звезды светятся как будто,
Но я хочу увидеть утро,
А с нею ночь ко мне идет.
Четыре в круг замкнув строки,
Остыл я к четырем подругам...
Круг от ведра на льду реки,
Он схож был с этим мертвым
кругом!

Вот третья... Стыки слов скрипят,
Как перержавевшие петли,
Я ставлю крест косой немедля.
Он с мельницею схож на взгляд.
Ее тугие жернова
Дробят ненужные слова.

Четвертая строфа... Она
Пусть будет первой!..
Мирным небом
В ней наша светит сторона
И пахнет день горячим хлебом.
По той строфе снопы я вез.
Но жито растеряв, как стремя,
Наполнил васильками воз
И вскачь пустился по дороге.

Я ехал мимо губ и глаз
И бросил вожжи у колодца,
Чтоб услыхать в который раз,
Как милая моя смеется.
И расступилась красота,
Сошлись навеки наши тропы,
Когда ей ветер прочитал
Те перечеркнутые строфы.

Перевел с еврейского С. НАРОВЧАТОВ

Водопад

О, вся нелепость водопада,
Вниз падающего с горы,
Рев оглушающий громады,
Бессмысленность пустой игры.

Он вам наскучит очень скоро,
Со склона прыгая на склон.
Не вниз — а вверх,
к вершинам, в горы
Всем существом я устремлен.

Земную тягу переспоря,
Не падать — а взлетать, расти..
И если влагой быть —
так морем,
Раскинуть лунные пути.

Но если стал бы водопадом —
Сосредоточен и весом,
Я падал бы тугим каскадом
На мельничное колесо.

Перевел Я. БЕЛИНСКИЙ

Колос

Ты, хлебный колос,
Добрый злак,
Ты в молодости пьешь росу
утрами.
Созреешь —
И тебя, связав,
Бьют долго на ветру
Цепами.
Но не ропщи на трудный
свой удел.
Не жалуйся,
Что ты измят и сломан —
Ты отдал все,
Что ты имел,
Не побоявшись стать
Пустой соломой.

Перевела М. ПАВЛОВА

реплики

ЧУХ-ЧУХ

Дети играют на лужайке в железную дорогу. Что получится, если их выкрики, шум и пыхтенье быстренько зарифмовать и, не мешкая, сдать в набор? По мысли автора В. Шульжик, получится книжка. Сверх ожиданий редакторы издательства «Малыш» согласны с автором. Пыхтит паровоз? Пыхтит. Вот и готово четверостишие:

Чух... чух... чух... чух... мы играем.
Чух... чух... чух... чух... в паровоз.
Чух... чух... чух... чух...
мы мелькаем
Мимо сосен и берез.

Шестнадцать раз в разбивку (по одному «чух» в строке) — не экономно, зато займет не одну страницу. Затем можно воспроизвести гудок «У-чу-чуууу!» А под конец дать сообщение: «остановка-газировка», где, оказывается,

первым в кружку сунул нос
быстрорукий (?) паровоз.

Можно блеснуть и концовкой. Не стесняя себя законами русской речи, В. Шульжик закругляет:

Все! Не будем паровозить! (?)
Каждый сам себе (!) трамвай.

Не очень грамотно, зато книжка-картинка готова. Кстати, о картинках. Изображенные В. Перцовым движения некоторых «паровозящих» ребят напоминают судорожные па танцоров твиста. Только не детскую игру.

Изделие получилось легкое, а мысли навевает тяжелые. «Быстрорукие» авторы изготовили, «быстрорукие» издатели выпустили «Паровоз» тиражом ни много ни мало... 200 тысяч экземпляров! Поглядите на последней обложке: там, кстати, рядом со сказочной цифрой тиража расписались редактор Г. Гладкова и художественный редактор Ю. Поливанов.

Вот это уже зря. Полноте, о каких редакторах может быть речь... при подобном ширпотребе?

Римма КАНДЕЛАКИ

ОТ РЕДАКЦИИ. Это — не первое выступление «Литературной газеты» по поводу плохо отредактированных и неряшливо оформленных книг издательства «Малыш». Редакция ждет от руководителей издательства ответа: какие меры принимаются для улучшения качества детских книг?

СТРЕЛА В ПОЛЕТЕ

Виктор ОРЛОВ

...ПЕРВЫЕ кадры нового фильма Василия Шукшина «Ваш сын и брат» поистине прекрасны. Идет, разворачивается перед нами весенняя деревенская жизнь. Фактура кадра земна, плотна, правдива до предела. Долго, может, даже слишком долго любуется камера и кошкой, сидящей на заборе, и самодеятельным парикмахером. Скоро часть пройдет, а перед нами, как ленивый весенний день, все тянется, тянется эта великолепная хроника...

Однако пора переходить и к собственно фильму. Перешли. В семью Воеводиных вернулся из заключения сын. Праздник. И снова — долгая остановка. Пьющие. Сидящие. Поющие. Пляшущие. Говорящие вразнобой. И все точно, все правдиво, все по высшему счету знания и наблюдательности. И мы уже уверены — обстановка, антураж фильма будут безупречными. Этнография точна. Но как все-таки с собственно фильмом?

И мы начинаем разбираться в драматургии. В характерах. И характеры не выдерживают самого простого анализа...

Сын Степан — тот самый, вернувшийся. Симпатичное лицо Леонида Куравлева. Помним — его Пашка Колокольников прожил на экране долгую жизнь, стал для нас любимым и близким. А что делает его Степан? Улыбается гостям. Пьет. Нарочито глуповато повторяет, что кино в местах его заключения крутили два раза в неделю. Кривя рот, поет блатные песенки...

Видимо, это лишь начало, лишь заявка на образ? Но за преамбулой сразу следует финальный удар. Степан, оказывается, не вернулся — убежал. Убежал незадолго до освобождения — просто так, чтобы повидать родных и деревню. Всеми возможными средствами автор подчеркивает свою симпатию к этому герою. У нас же в памяти почему-то остается недоумевающее лицо строгого милиционера из фильма...

Это Степан. Больше мы ничего о нем не узнаем. Дальше начинается Максим. Бегающий по городу в поисках лекарства для матери. Всюду получающий отказы. Отчасти из-за равнодушия, отчасти из-за того, что лекарства действительно нет. А главное — из-за собственного косноязычия, из-за нарочитой, затрудненной до предела неспособности к простому человеческому общению. «Самобытность»? Но ведь современный парень, учащийся, черт возьми! Неужели трудно по-человечески объяснить, что лекарство нужно матери, заболевшей за тысячи километров отсюда? Знаем мы случаи, когда лекарство доставали, когда кровь доставали, когда кожу для пересадки доставали в труднейших условиях совершенно чужие люди, и не удивляемся этим случаям. Таков наш мир. Знаем даже сугубо «западный» фильм Кристиана-Жака, где лекарство доставали в нескольких странах, и не удивляемся фильму. Таков современный мир. Но взаимная помощь людей — не для героя В. Шукшина. Он предпочитает оставаться в своей дикой, злой «самобытности»...

Это Максим. И когда начинается знакомство с последним деревенским братом — Василием, мы уже ничему не удивляемся. Ни косноязычию, ни вечному хихиканью, ни неумению связать два слова. «Самобытность»...

Таковы в фильме люди деревни. Что же это за странная деревня? Автор пытается возбудить нашу любовь к ней, для этого служат длинные пейзажные планы, бытовые детали, общая лирическая обстановка. Не сумев убедить нас подлинно художественным воплощением жизни и ее характеров, автор начинает показывать картины. И мы видим: река действительно красива, а коровы уже просто анекдотически высвечены на контражур...

Если таковы люди деревни, то какими рисует Шукшин горожан? Город — это сын Воеводиных Игнат, цирковой борец, дурак, фанфарон. Это его жена в неприлично-немыслимом наряде, который стесняются нынче изображать даже карикатуристы.

В непримиримой глухой борьбе в фильме столкнулись город и деревня, и в столкновении этом утверждается мысль по меньшей мере странная — о взаимонепонимании, взаимном неприятии. Яркая иллюстрация тому — суетный, непонятный, прямо-таки страшный для героя город, по которому Максим мечется в поисках «змеиного яда». Эпизод этот явно тенденциозен. Одинаково иллюстративны, невыразительны лица-маски, одинаков тон отказов, одинаковы метания героя от аптеки к аптеке...

А авторская мысль между тем развивается, удивляя и озадачивая нас своенравными изгибами. И в конце концов мы уже начинаем понимать, почему сын Степан, совершивший, очевидно, настоящее преступление (за мелкое хулиганство у нас дают пятнадцать суток, не больше), окружен и почтительным авторским вниманием, и высвечен, и вконец засироплен. Почему? Потому что деревенский? А невинному директору аптеки, у которого действительно нет лекарства, герой бросает в лицо слова: «Как я вас всех ненавижу». Почему? Потому, очевидно, что тот — городской?

...Привлекательные своей этнографической точностью, своей любовью к родной природе и родному говору, рассказы писателя Василия Шукшина режиссер Василий Шукшин использовал как трамплин для непонятной полемики, ведущейся неизвестно с кем. А тратить талант и средства, снимать целый полнометражный художественный фильм для того лишь, чтобы с опозданием вступать в полузабытую и странную, осмеянную всеми пародистами «дискуссию» о вреде московской прописки, — разве это дело для настоящего мастера?

...И ВОТ — та же тяжелая фактура. Та же близость земли. Те же очарование и грозная значительность природы. И плюс к тому и свыше того — яростные и огромные человеческие характеры в борьбе, в настоящей схватке. Характеры людей, жизнью своей отстаивающих от врагов Советскую Литву. И над всем — мысль беспощадная и справедливая. Никто из этих простых людей, из этих героев не хотел умирать.

Это — фильм В. Жалакявичюса, потерявший, к сожалению, свое яркое первоначальное название «Медведи». О фильме этом уже писалось в «Литературной газете». Но такой фильм стоит не одной рецензии. Тем более, наша задача скромнее — выявить художественные средства, которые поддержали, подняли на свой гребень величие мысли и идеи.

...Но ведь фильм совсем о других событиях, скажете вы. Ну что ж, события — событиями. И на великих событиях можно сделать облегченный детектив вроде «Чрезвычайного поручения». И на неторопливых и мирных событиях фильма Шукшина могли подняться незабываемые характеры, как поднялся Пашка Колокольников над обыденным сюжетом фильма «Живет такой парень».

Дело, очевидно, в другом. И здесь приходится напомнить как будто давным-давно известную истину о том, что реалистическое письмо — не картины с натуры, а средство выявить смысл, содержание, точно увиденные закономерности жизни. А ведь в фильме В. Жалакявичюса тоже есть верные сельские детали. И есть даже сентиментальный белый кролик. Но от бытового письма, сохраняя верность фактуре, фильм поднимается до истинно реалистической символики, до огромности мысли, нигде не отрываясь от земли, родившей и эти мысли, и эти символы, и, главное, эти неповторимые характеры. Таков настоящий реализм, в чьей, на первый взгляд, заземленности таятся возможности для высоких взлетов.

Нет, заземленность отнюдь не грозит мастерам, которые, оставив соблазн эффектных романтических пассажей, хранят верность строгому реалистическому пути!

...ФИЛЬМ А. Митты «Звонят, откройте дверь», конечно же, сугубо реалистический по стилю. Подробно, почти натуралистически подробно выписаны и город, и его бульвары, и катки, и бытовые взаимоотношения юных героев, и многое другое. Но используя, точно зная, для чего нужны и подробность, и верность повседневной правде, расправляет крылья и набирает высоту умная мысль фильма о преемственности поколений, о том, что нельзя забывать подвиги отцов. И — взлетает в конце. Взлетает неожиданно, прекрасно, вызывая настоящие слезы, — не слезы сентиментальности, что вызвать легко, а слезы искренней благодарности искусству. Что же произошло? Приглашенный на пионерский сбор трубач, вспомнив свою юность, играет старую мелодию. Трубить в трубу на собрании — какая уж тут правда, какое жизненное соответствие! Наверное, «в жизни» так не бывает. А вот в Жизни — бывает. Бывает. Должно быть. И в этом убеждает нас фильм с прекрасным концом, фильм, зовущий вспомнить то, что забывать нельзя, — цену, красоту, величие настоящей жизни, настоящей романтики.

Да, в сугубо реальном изображении таятся порой силы для ослепительного взрыва идеи, иные же театрально-романтические постановки, вроде бы самой природой созданные и призванные кричать, трубить идею, гаснут на глазах, не успев посветить настоящей мыслью. Так случилось, по-моему, с «сильно романтической» перелицовкой прекрасной пьесы М. Светлова «Двадцать лет спустя», осуществленной, скажем, чуть повыше уровня школьной самодеятельности.

И как радостно, когда верность жизни, истинная правда характеров вдруг раскроются в постановке, по всем внешним приметам будто даже условной, далекой от традиционного бытописательства.

Мне нравился сценарий А. Володина «Похождения зубного врача» своей доброй идеей, своей бережностью к понятию «талант». Мне не нравился сценарий схоластически абстрактной, совсем остраненной формой притчи. В сугубо реальном плане режиссер Элем Климов к сценарию как будто ничего и не прибавил. Фильм по всем внешним приметам откровенно условен. И откровенно условны разговоры героев со зрителем. Просто так — вышел на крупный план и говорит себе, говорит... Но, не находя внешней бытовой точности, мы вдруг обретаем верность глубинной жизненной правде. И тогда понимаем, что такого болтуна и «фрондера», как тип, сыгранный И. Квашой, мы в фильмах еще не видели, — а в жизни он и суетится, и мешает жить. И тогда понимаем, что игрушечные лирические отношения героев говорят совсем не о том, что вот так именно происходит это сегодня у влюбленных, а о другом, неожиданном: о трогательно и высоко зазвучавшей теме женской верности, женского подвижничества. И понимаем, что проходить мимо таких человеческих алмазов, как героиня Алисы Фрейндлих Маша, непростительно, преступно...

Важно, что ты хочешь сказать и зачем. Вот Шукшин хочет нас уверить, что такая городская пара, как Игнат с женой, существует на свете. А мы видим карикатуру и — не верим. А Климов показывает карикатуру и просит: всмотритесь в этих родителей Чеснокова. Нет ли в них страшноватого подобия? И мы его находим — в их равнодушии, в их многоглаголании...

Разные средства из всего богатого арсенала социалистического реализма избирают художники. Но всегда произведение социалистического реализма стремится к мысли, как стрела к цели.

...И вовсе плохо, когда сумма внешних приемов реалистического отображения жизни используется лишь как прикрытие для узости мысли, слабости драматургии, немощности характеров. Как средство придать хотя бы внешнее «правдоподобие» тому, что неправдоподобно по сути.

Картина «Дорога к морю» режиссера И. Поплавской явно не удалась. Ничего в этом нет особенного — много было таких голубоватых, смешноватых и музыкальных лент. Можно было на нем и не останавливаться, если бы не была она последним по времени образцом мимикрии «под реализм».

У комедии — широкий выбор художественных средств. Она может избрать комедийность бытовую, театральную условность, цирковой гротеск, эстрадную буффонаду — ничто не возбраняется. Здесь избран сугубый «кинореализм», И вот что получилось. Сюжетная схема осталась действительно схемой — набором иллюстраций «дороги к морю» двух своенравных сестер, решивших поступить в «мореходку». Иллюстраций нравоучительных, умилительных, легковесных. Характеры не выходят за рамки штампов: «добрые парни», «бюрократы-начальники». Исключение составляют только две героини — слабость драматургического материала здесь скрашивается поистине героическими усилиями обаятельных актрис Л. Крыловой и юной Л. Барабановой...

И все это картонное действо разыгрывается на фоне потрясающих пейзажей Заполярья, Сибири, Дальнего Востока. Документальные съемки самоценно прекрасны, но... если бы их было достаточно для целого художественного фильма!

Вышло так, что мы кончаем тем же, с чего начали, — примером произведения, где запечатленные, зафиксированные приметы живой жизни существуют сами по себе, не поддержанные мыслью, добротной драматургией и характерами. Увы, откровенно слабая лента И. Поплавской похожа на фильм В. Шукшина... как карикатура. И это тем более настораживает.

Реалистические средства изображения, реалистическое письмо — не аппликация, не украшение, не сумма внешних приемов. В подлинно реалистическом произведении киноискусства в самом этом письме должна быть заложена мысль, неотрывная от мысли драматургической. Реализм всегда стремится к мысли, как стрела к цели.

поздравляем юбиляра

К. КРАПИВЕ — 70 ЛЕТ

Видному белорусскому писателю Кондрату Крапиве исполнилось 70 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру теплое приветствие, в котором говорится:

«Дорогой Кондрат Кондратьевич!

Сердечно поздравляем Вас, народного писателя Белоруссии, видного советского драматурга и ученого, с днем Вашего семидесятилетия.

Наследуя и развивая лучшие традиции реалистической сатиры, Вы одним из первых в советской многонациональной литературе заявили о себе как талантливый баснописец и комедиограф.

В своих многочисленных баснях, фельетонах и памфлетах Вы смело бичевали пороки прошлого, клеймили бюрократов и приспособленцев, агентов международной реакции, утверждая высокие идеалы коммунистической нравственности. Написанные ярко и образно, подлинно народным языком, с искрометным юмором, Ваши произведения становились всесоюзным достоянием, включались в учебники и хрестоматии по литературе.

Всенародное признание получила написанная Вами в 1939 году комедия «Кто смеется последним», поставленная многими театрами страны. Широко известны также Ваши пьесы «Партизаны», «С народом», «Поют жавороники» и другие, в которых Вы правдиво и талантливо отразили важнейшие этапы в жизни нашего общества, показали героизм и трудолюбие нашего народа и — одновременно — опытной рукой сатирика продолжали вести борьбу со всем тем, что мешает нашему обществу в строительстве коммунизма.

Мы высоко ценим также Вашу научную и публицистическую деятельность, способствующую укреплению уз дружбы народов Советской страны и стран социалистического лагеря.

Желаем Вам, дорогой Кондрат Кондратьевич, доброго здоровья, радости и счастья в жизни, новых больших успехов в литературе и науке.

По-братски обнимаем Вас».

* * *

В сокровищницу нашей многонациональной литературы по праву и навечно вошли положительные герои — образы людей больших дел и высоких устремлений. Но чтобы так называемые отрицательные персонажи получили право войти в золотой фонд советской литературы, — это довольно редкое явление. Двадцать семь лет назад Кондрат Крапива в комедии «Кто смеется последним» «представил» зрителям на сцене Белорусского академического театра имени Янки Купалы оригинальнейших типов — Горлохвацкого, Зелкина и Тулягу. Но и по сей день каждая встреча с ними наводит зрителей на серьезные размышления. Видимо, столь долгая «живучесть» этих типов на сцене объясняется тем, что острый глаз сатирика заметил далеко не сорняков-однолеток!

Проходят годы, наша действительность развивается, совершенствуется. Все труднее скрывать свое истинное лицо горлохвацким, зелкиным. Они приспосабливаются, меняют должности, меняют одежды, но нутро их остается прежним. Трусливые туляги еще кое-где пишут диссертации и доклады за нахрапистых и наглых горлохвацких, угодливые зелкины плетут интриги, мутят воду, сплетничают, подсиживают, клевещут, а это все создает благоприятнейшие условия для бюрократов горлохвацких, которые, прикрывшись громкими и «правильными» фразами, устраивают свое мещанское благополучие.

Драматург-сатирик Кондрат Крапива указывает точный адрес своих персонажей, разоблачает их, уничтожает сарказмом, смехом. А зритель вот уже двадцать семь лет приходит в театр, улыбается, хохочет и... подчас узнает себя или знакомых... Нет, не ушли пока подобные сатирические типы. Не скажешь — здравствуют, но живы курилки.

Не случайное, не мелкое из жизни берет Крапива в свои пьесы и басни. Сатирик глубоко вспахивает почву, внимательно исследует жизненные явления, острым глазом детально рассматривает их, обнажая уродливые корни.

Спектаклю «Кто смеется последним» в Театре имени Янки Купалы повезло. В нем встретился комедийный талант Кондрата Крапивы с необычайным, изумительным даром комедийных актеров Глебова, Рахленко, Платонова и Ржецкой.

Эта встреча обусловила многолетний успех спектакля и глубокое уважение зрителя к труду драматурга и театра.

Народному писателю Кондрату Крапиве исполнилось семьдесят лет. Он написал много пьес, много басен, столь же популярных и талантливых. Его емкое творчество охватывает и область филологических наук, и переводческую деятельность — К. Крапива дал жизнь на белорусском языке пьесам Островского и Гоголя, басням Крылова, стихам Маяковского. Мы с надеждой ждем от него новых произведений, самобытных, по-народному мудрых и простых, глубоких по мысли и ярких по форме.

Искренне желаем большому мастеру литературы новых творческих свершений, радостных встреч с читателями и зрителями, доброго здоровья.

Андрей МАКАЁНОК

«Литературная газета» с чувством большой радости поздравляет юбиляра и присоединяется к добрым пожеланиям творческих успехов.

ЧЕСТВОВАНИЕ НАРОДНОГО ПИСАТЕЛЯ

БЕЛОРУССИЯ широко отметила семидесятилетие народного писателя Кондрата Крапивы.

В Минске в Академическом театре драмы имени Янки Купалы, где начиналась сценическая жизнь пьесы Кондрата Крапивы, собрались на торжественный юбилейный вечер представители общественности республики. В торжественном чествовании Кондрата Крапивы приняли участие первый секретарь ЦК КП Белоруссии П. М. Машеров, председатель Совета Министров БССР Т. Я. Киселев, председатель Президиума Верховного Совета БССР В. И. Козлов, секретарь ЦК КПБ С. А. Пилотович, президент Академии наук БССР В. Ф. Купревич, гости из братских республик.

— Более сорока пяти лет назад красноармеец Кондрат Атрахович стал писателем Крапивой, и все эти годы с большей и большей любовью произносится это имя миллионами читателей и зрителей по всей нашей стране, — говорил, открывая вечер, председатель правления Союза писателей Белоруссии Петрусь Бровка. Секретарь ЦК Компартии Белоруссии С. А. Пилотович поздравил Кондрата Крапиву с высокой правительственной наградой — орденом Ленина и огласил адресованное ему приветствие ЦК КПБ, Совета Министров и Президиума Верховного Совета БССР. Доклад о жизненном и творческом пути юбиляра сделал литературовед И. Казека.

Кондрат Крапива горячо поблагодарил Советское правительство за высокую награду. Отдать все силы на благо Родины, сказал он, — высшее счастье для писателя.

МИНСК. (Наш корр.)

ЗЕЛЕНАЯ ВЕТКА ВЬЕТНАМА

Илья ФОНЯКОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ВЫСОКО над головой, в синеве южного неба, чуть покачивается зеленая ветка. Вечнозеленая ветка Вьетнама...

А вы не замечали, кстати, что и сам контур страны, протянувшейся вдоль теплого моря, удивительно похож на цветущую ветку?

Веками, тысячелетиями сгибали ее, топтали, ломали — а она живет.

Зеленая ветка Вьетнама! Я вижу ее на пробковом шлеме солдата, она вплетена в маскировочную сетку автомашины.

И эти маленькие путевые рассказы — по существу тоже листы с Зеленой Ветки Вьетнама...

КРЕСТЬЯНСКИЙ МУЗЕЙ

Лежит под стеклом самодельной витрины широкая плетеная шляпа. Коническая шляпа «нон», без которой невозможно представить себе вьетнамца.

Обычная крестьянская шляпа...

Но на боку ее зияет рваная пробоина.

— Женщина работала в поле. Прилетели американцы... — пояснили мне.

В этот день я — единственный экскурсант в музее или, как говорят здесь, «доме традиций» сельскохозяйственного кооператива «Нам-тан», провинция Таньхоа. Зато экскурсоводов — множество. Собственно, любой член кооператива может выступить в этой роли.

...Вычерченная от руки карта, акварельные пейзажи окрестностей, фотокопия исторического документа, свидетельствующего, что еще в 1257 году на этом месте жили и сеяли рис труженики в широких плетеных шляпах. Правда, лишь очень редко удавалось им, как говорит история, мирно заниматься своим трудом. Охотников помешать всегда хватало. И недаром из столетия в столетие ковали сельские кузнецы вот эти кривоватые, старинной формы, боевые мечи.

Старинные? А ну, приглядись, посетитель, — ведь они лежат в витрине, относящейся уже к Освободительной войне 1945—1954 годов! Рядом с гранатой-«лимонкой».

И снова — совсем недавние реликвии. Темная прядь волос: девушка помогала зенитчикам и погибла во время очередного налета. Жестяной, со вмятиной, мегафон, в который несколько недель назад прокричал свою последнюю команду капитан сампана, перевозившего боеприпасы. Он тоже был сражен на своем посту. Ордена, портреты героев.

А это, позвольте, чей шлем?

— Американского летчика, лейтенанта Дэнтона. Его самолет был сбит над нашей землей и упал на рисовое поле, — говорят хозяева.

...Я видел много музеев. Но, пожалуй, нигде, ни под какими гулкими сводами, голос истории — трудный, прерывистый, охриплый от порохового дыма — не звучал так непосредственно и неприкрашенно, как в этой крестьянской хижине, над которой склоняются перистые кроны тропических пальм.

УЧЕНИЕ О ВЕЛОСИПЕДЕ

У Бабеля есть рассказ «Учение о тачанке». Кто-нибудь из летописцев жизни и борьбы Вьетнама, наверное, мог бы написать «Учение о велосипеде».

...Десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч их проносятся ежедневно по улицам Ханоя. Целые стада велосипедов, свернув на сторону рогатые «головы», отдыхают в дневные часы у специальных стеллажей — возле предприятий и контор. Вечерами они медленно кружатся по набережным озера Возвращенного меча, спицы их колес мелькают, словно стрекозиные крылышки, и девушки на багажниках улыбаются красиво и загадочно.

Сохранились велорикши. Их «экипажи» в Ханое устроены несколько по-другому, чем, например, в Пекине: пассажир сидит не позади, а впереди «водителя», спинка его кресла заменяет руль. Конечно, велорикши — наследие прошлого. Но, право же, когда в кресле видишь не пузатого буржуя из книжек нашего детства, а пожилую крестьянку, с которой рикша на ходу весьма доверительно беседует, — это уже совсем иное дело!

Каких только велосипедов не встретишь здесь! Чехословацкая «Прага» и китайский «Феникс», «Виллиам» и «Пежо», немецкие, советские, собственно вьетнамские машины! Впрочем, если на велосипедной раме видишь марку «Диамант», это вовсе не значит, что перед тобой именно «Диамант». В любой велосипедной мастерской — а здесь они через каждые два дома — можно купить любую приглянувшуюся эмблему, как, впрочем, и всякую другую часть велосипеда. Двухколесный «конь» в здешних местах — довольно дорогая штука, и случается, что велосипед покупают годами, по частям. Само собой, существуют и «велощеголи», старающиеся украсить свою «машину» возможно более экстравагантно...

А вот пожилому крестьянину с узенькой, редкой бородкой — не до щегольства. Ему каким-то образом достался подростковый велосипед типа нашего «Орленка». Что ж, и это положение не безвыходное. Бамбук — отличный материал для того, чтобы «надстроить» раму!

Там, в деревне, велосипед популярен вдвойне. Не только как скаковой конь, но и как вьючное животное. Всадник в таких случаях превращается, соответственно, в пешего погонщика. Я видел такие велосипеды на дорогах. Чего только не везли они в плетеных корзинах, навешенных по бокам: дрова и фрукты, керамику и строительный камень!

— Везет до четырехсот килограммов, — говорили мне. — Это партизанское изобретение. И сейчас он в том же качестве служит нашим братьям на юге. У нас ведь в джунглях тропинки узенькие, никакая телега не проедет. Одноколесная тачка, вы говорите? Но тачка, едва ее разгрузишь, становится из помощника обузой. А велосипед — совсем другое дело!

«КОЛБАСНЫЙ ДЕД»

Его знает, без преувеличения, весь Ханой. Его называют Андреем Ивановичем или — с доброй усмешкой — «колбасным дедом».

А по-настоящему его зовут Индржих Сханил. Из Праги.

Невысокий, плотный, краснолицый, в сбитом на ухо берете, вечно разжигающий свою вечно гаснущую трубку, старый Сханил общителен до предела, а его энергии может позавидовать кто угодно. Когда слушаешь Сханила, невольно кажется, что любая фраза его кончается восклицательным знаком. Точек он, по-видимому, не признает.

— Я пищевик! — представляется он по-русски, с чуть заметным акцентом. — Моя специальность — колбасы и консервы! Я уже старик, я пенсионер, но мое старое сердце сказало: «надо!», — и вот я здесь!

...Банки с мясными, рыбными, овощными консервами в продуктовой сумке женщины, в походном рюкзаке солдата — все это «произведения» Сханила.

Человек скромной, неприметной, сугубо прозаической профессии? Как бы не так! Надо вспомнить, кстати, в каком уголке планеты мы находимся. Азия, тропическая Азия. Земля по-царски щедрая и — на протяжении многих столетий — до неправдоподобия нищая. Край фантастического изобилия и — в недавнем прошлом, а во многих местах и поныне — не менее фантастических «эпидемий» голода. Так что увлеченная деятельность славного толстяка-пражанина, помогающего наладить пищевую промышленность, здесь как нельзя более к месту. Слава тебе, старый Сханил, дядюшка Индржих, Андрей Иванович, колбасный дед!

Вот все, что остается от американских солдат, бесславно погибающих в Южном Вьетнаме, вдали от родины, на чужой земле и за чуждые для них интересы.
Снимок из американского журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин»

— Еду я однажды в поезде, — рассказывает Сханил. — Там, у нас, в Европе. Спрашивает меня попутчик: «Кто вы по профессии?» — «Пищевик», — отвечаю. «А я, — говорит, — атомник». Ну, что тут еще скажешь? Замолчал я. А он, должно быть, истолковал мое молчание по-своему, похлопал меня по плечу и утешил: «Ничего, оба нужны!»

Сханил смеется:

— Вы слышали, как он сказал? Оба нужны!

ДЕТИ И ВОЙНА

Вот уже который день по утрам наблюдаем мы одну и ту же картину: во дворе, у стены, дети играют в «допрос партизана».

— Ни с места! Говори все, что знаешь! — скучным голосом требует один, глядя куда-то в сторону. Сразу видно, что «роль» сайгонского карателя ему совсем не по душе, «входить в образ» явно не хочется, и необходимые слова произносятся через силу.

Зато «партизан» молчит всерьез.

Молчит, не разнимая сложенных за спиной — якобы связанных — рук.

Молчит, запрокинув голову, как южновьетнамский герой Нгуен Ван Чой на многочисленных плакатах, расклеенных по Ханою.

И даже те, кто сегодня в роли «врага», смотрят на него с нескрываемым восхищением. И одновременно — с нетерпением: условия игры справедливые, пройдет несколько минут, и для кого-то из них настанет очередь быть Нгуен Ван Чоем.

Дети...

Мне рассказывали о юных героях Вьетнама, и нельзя было не склонить голову перед их недетским мужеством. На внешней стене пагоды-читальни в Таньхоа я видел детские рисунки: зыбкие и в то же время очень точно схваченные контуры реактивных самолетов с пылающими хвостами, веера взрывов. И надписи — по-взрослому серьезные: «Мы, дети, хотим поскорее вырасти, чтобы сбивать агрессоров!»

Конечно, вспомнились наши собственные рисунки времен нашей Отечественной войны...

И все-таки очень хотелось бы, чтобы сегодняшним юным гражданам Таньхоа никогда не пришлось смотреть на небо сквозь круглую сеточку зенитного прицела!

ЗЕЛЕНАЯ ветка Вьетнама... Она переживает нелегкие дни. Потемнела от немирного дыма листва.

И все-таки верится, что настанет день — и она поднимется, распрямившись окончательно, навстречу солнцу.

ХАНОЙ — МОСКВА

Джон ЧИВЕР,
американский писатель

ЗОЛОТОЙ ВЕК

РАССКАЗ

С ДЕТСТВА наши представления о замках [illegible], да и зачем пытаться их менять? Стоит ли замечать, что подворье всамделишного замка [illegible] располо[illegible], а [illegible] вход в обветшалые королевские покои [illegible] выводком зеленых [illegible]. Вот [illegible], — подъемный мост, зубчатые стены и башни, которые мы [illegible] приступом с отрядами оловянных солдатиков, когда самих нас сражала ветряная оспа. Сначала был английский замок, [illegible] королем Испании [illegible], но ощущение [illegible] величия верховной власти, преувеличение таинственной значительности дворянства — одно и то же. Есть тут во всем своеобразная логика. С волнением делаешь свой глоток мартини в зубчатой башне, с трепетом опускаешься в водоем и даже за коробком спичек отправляешься в деревеньку после ужина трепеща. Мост опущен, двойные ворота открыты, и однажды ранним утром мы видим семейство, пересекающее ров и нагруженное принадлежностями для пикника.

Это американцы. Ничего не поделаешь, как все путешествующие, они смешно и трогательно неуклюжи. Отец — высокий молодой человек, слегка сутулый, с вьющимися волосами и прекрасными белыми зубами, у него хорошенькая жена и двое сыновей. Оба мальчика вооружены автоматическими ружьями, недавно присланными по почте бабушкой и дедушкой. Воскресенье, звонят колокола, но кто в конце концов завез колокола в Италию? Не флорентийские, но те грубые деревенские колокола, которые бимкают и бомкают над оливковыми рощами и кипарисовыми аллеями в такой вопиющей разноголосице, что кажется, будто эти звуки долетают с колесницы Аттилы Гуна... Неотступное, назойливое бренчание над древней рыбацкой деревушкой...

Ступени замка ведут в местечко прелестное и уединенное. Сюда не доходят ни автобусы, ни поезда, здесь нет ни отелей, ни пансионов, ни художественных школ, ни туристов или сувениров, даже не продают почтовых открыток с видами. Рыбаки в живописной одежде и с песнями на устах вытаскивают сетями греческие вазы. Вот оно, одно из последних мест на земле, где вы можете услышать звук пастушеского рожка, где не щелкают фотоаппараты, когда юные красавицы, не ведающие корсетов, несут на головах корзинки с рыбой, и где с наступлением темноты звучат серенады. Вниз по лестнице сходят в деревню американцы.

Женщины в черном на пути в церковь замечают их, кланяются и желают доброго утра. «Il poeta»*,— говорят они друг дружке. Доброго утра поэту, жене поэта и сыновьям поэта. Их куртуазная вежливость как будто смущает пришельцев.

— Почему это они называют тебя поэтом? — спрашивает старший сын, но отец не отвечает.

Площадь дает некоторые доказательства того факта, что не все в деревне благополучно. Вокруг фонтана петушатся деревенские парни со спичками в зубах, в соломенных шляпах, надвинутых на самые брови, раскачиваясь на ходу, словно родились в седле, хотя ни одной верховой лошади в этих местах не водится. Зелено-голубое сияние телевизора, установленного в кафе, уже начало превращать их из моряков в ковбоев, из рыбаков в гангстеров, из пастухов в юных правонарушителей и кривляк, омытых кока-колой, и все это кажется американцу весьма прискорбным. «E colpa mia»**,—думает Сетон, так называемый поэт, пока ведет свое семейство через площадь к берегу, где пришвартовал лодку.

Гавань кругла, словно суповая тарелка, пролив лежит между двумя скалами, и на самом дальнем, обращенном к морю утесе стоит замок с круглыми башнями, арендованный Сетоном на лето. В предвкушении надвигающегося блаженства Сетон восклицает:

— Иисусе, что за уголок!

Он раскрывает над кормой лодки зонт для жены и спорит с мальчиками о том, где они сядут.

— Ты сядешь там, где я скажу, Томми! — восклицает он. — И не желаю больше слышать от тебя ни слова.

Мальчишки ворчат и открывают огонь из автоматов. Они выходят в море, бунтуя громко, но не сердито. Колокола теперь молчат, и можно расслышать астматическое дыхание старого церковного органа, его легких, прогнивших от морского тумана. У берега вода теплая, грязная, но за молом прозрачно-чиста.

Уключины снабжены ремнями, и Сетон гребет, прямой в талии, налегая на весла всей своей тяжестью. Он полагает, что достаточно ловок для этого, даже живописен, но и на большом расстоянии его никогда бы не приняли за итальянца. В самом деле, атмосфера притворства, какой-то виноватости дышит вокруг бедняги. Иллюзорная легкость, чарующая безмятежность дня, узорчатые башни на фоне голубизны небес, кажущейся отражением чистой совести человеческой, — всего этого было недостаточно, чтобы перечеркнуть его чувство вины, его томило ожидание, беспокойство. Он обманщик, самозванец, он преступен как художник, но тут, ощутив его переживания, жена говорит с нежностью:

— Не терзайся, дорогой, никто не узнает, а если и узнают, — им все равно.

А мучится он оттого, что он—не поэт, и оттого, что этот великолепный день был для него в известном смысле днем подведения итогов. Вовсе он не поэт, он только надеялся, что его лучше поймут в Италии, если он представится как таковой. Невинный обман, по существу — честолюбивое чувство. И в Италии он оказался только потому, что жаждал жизни более славной, хотел дать выход всем своим творческим силам. Он даже подумывал о написании поэмы — что-нибудь относительно добра и зла...

На воде было много лодок, круживших вокруг скалы. Берег вокруг скалы отвесный, покрыт виноградниками и диким розмарином, и море здесь бьется о цепь песчаных бухт. Сетон направляется к самой большой, а его сыновья ныряют с лодки, пока он приближается к берегу.

Каждый с ними заговаривает, каждый приветственно машет им, и вся деревня, за исключением особо набожных, на берегу. Песок темно-золотистый, а море сверкает всеми цветами радуги — изумруд, малахит, сапфир и индиго. Всякое отсутствие вульгарности и развязности вокруг настолько восхищает Сетона, что грудь его распирает от нахлынувшего чувства признательности. Вот где простота, думает он, вот — красота, вот где чистая прелесть людской натуры. Он погружается в свежую и тугую воду, а после купанья растягивается под солнцем. Но теперь он снова кажется беспокойным, мучится от сознания того факта, что он — не поэт. А если не поэт, то кто он тогда?

Писатель с телевидения. То, что лежит на песке в бухте у подножья замка, представляет собой живую модель телевизионного писателя. И вина его в том, что он — автор пакостной комедии под названием «Прекрасное семейство». Когда ему стало ясно, что в сделке с посредственностью он торгует не плотью и кровью, а основами целого царства лжи, он бросил свою работу и сбежал в Италию. Но ныне пьеса приобретена итальянским телевидением, — здесь она называется «La famiglia Tosta»***, — и глупости, вышедшие из-под его пера, вознесутся к башням Сиены, зазвучат над древними улицами Флоренции... Это воскресенье — день его дебюта, и сыновья, которые им гордятся, конечно, распространили слух по деревне...

Его мальчики, вооруженные автоматами, начали сражение. Ужасное свидетельство его прошлого. Клеймо телевидения на невинных плечах. Пока детишки из деревни поют, пляшут, собирают полевые цветы, его собственные сыновья перебегают от камня к камню, притворяясь, что убивают. Это было ошибкой, и притом тривиальной, но он возмутился, хотя и не мог заставить себя позвать детей и постараться объяснить, что их искусное подражание крикам и позам умирающих может усугубить всеобщее непонимание. Их не понимали, он видел, как женщины покачивали головами, размышляя о стране столь варварской, что там даже маленьким детям дают ружья в качестве игрушек. Mamma mia!

Баталия заканчивается, они снова идут купаться, а Сетон, запасшийся принадлежностями для охоты на рыб, в течение часа исследует скалистую гряду рифов, огибающую залив. Он ныряет и плавает среди прозрачных рыбьих стай, уходит дальше вниз, где глубоко и холодно, замечает большого осьминога, который злобно глядит, перебирая членами и ускользая в пещеру, выстланную белыми цветами. Там, на краю пещеры, он видит греческую вазу, амфору. Он ныряет за ней, ощупывает пальцами грубую глину и всплывает за глотком воздуха. Он ныряет снова и снова и, наконец, с триумфом выносит вазу на свет божий. Она широкая, с узеньким горлышком и двумя небольшими ручками. Горлышко опоясано темной полосой. Она треснула почти пополам. Такие и другие, гораздо лучшие вазы часто находят вдоль берега, и если они не представляют ценности, их устанавливают на полках в кафе, булочных, парикмахерских, но эта — бесценна для Сетона: тот факт, что телевизионный писатель сумел достичь глубин Средиземноморья и извлечь со дна греческую вазу, как бы служит обнадеживающим знамением культуры, доказательством его собственной значительности. Он восславляет свою находку вином, а тем временем подходит час еды. За завтраком он опорожняет всю бутылку, после чего ложится в тень и засыпает, как остальные на берегу.

...Когда он проснулся и освежился купаньем, один из парней, взобравшись на высокую скалу, закричал:

— Pescecane! Pescecane!*

С воплями возбуждения, вздымая ногами буруны воды, все повернули к берегу. Над чертой, где они только что были, показались плавники акулы. Тревожный сигнал был дан вовремя, и, казалось, акула бесится, крейсируя в малахитовой воде. Купальщики растянулись цепочкой по берегу, указывая один другому на чудище, а малыш у края воды вопил:

— Brutto! Brutto! Brutto!**

Потом все разразились восторженными восклицаниями — по тропинке спускался Марио, лучший пловец деревни, вооруженный длинным морским ружьем. Марио работал каменщиком, и были причины,—наверно, это его трудолюбие,—по которым он совершенно не вязался с окружающей обстановкой. Его ноги были не то сверх меры длинными, не то чересчур широко расставленными, его плечи не то слишком покатыми, не то излишне угловатыми, у него были слишком жидкие волосы, словом, то буйство плоти, которым так щедро были наделены другие самцы, миновало бедного Марио. Он казался жалким и беспомощным в своей наготе, словно посторонний, застигнутый в непотребном виде. Его приветствовали и восхваляли, когда он шел сквозь толпу, но он не смог изобразить на своем лице даже подобие улыбки, сжав тонкие губы, он шагнул в воду и поплыл к границе для пловцов. Но акула уже ушла, и солнце, в общем, тоже ушло. Теперь сумрачный берег разочаровывал, и купальщики, собрав свои вещи, двинулись по домам. Никто не дождался Марио, и никто не обратил на это внимания. Он стоял с ружьем в темной воде, готовый принять на свои плечи бремя общей безопасности и благополучия, но все повернулись к нему спиной, все пели, взбираясь на утес.

«К черту «La famiglia Tosta! — подумал Сетон. — Черт с ней». Приближался наилучший час дня. Все виды удовольствий — еда, питье, любовь — лежали перед ним, и казалось, что под сгустившейся тенью он осторожно высвободился из-под груза своей причастности к телевидению, из-под бремени собственной жизни. Сейчас все было укрыто широким покрывалом вечера, и рассуждения ушли на задний план.

Лестница, по которой они двинулись к арендованной ими крепости, была увита гирляндами цветов на всем протяжении, отсюда до подъемного моста и главного входа, послужившего триумфом короля-архитектора и каменщиков, настолько внушительным, что каждый в первое же мгновение проникался ощущением воинственной царственной мощи и красоты. Ни в одной точке, ни в одном повороте, ни в башнях, ни в зубчатости стен не ощущалась обособленность звеньев сооружения. Вся крепость была увенчана прекрасным карнизом, и в каждом пункте, откуда можно было ждать появления врага, громадный крест христианнейшего короля Испании возвещал о крови, о вере и о хорошем вкусе защитника.

Там, вдоль стены, среди прочих надписей Сетон увидел слова: Americani, go home, go home!*** Надпись была бледной: может быть, осталась еще с войны, но, может быть, нечеткость букв объяснялась поспешностью, с какой это делалось. Ни жена, ни дети не увидели надписи, он стоял около, пока они миновали подъемный мост и вошли во двор замка, а потом повернулся и пальцами стер слова. О, кто же это мог написать? Он почувствовал себя обманутым, опустошенным. Его пригласили в этот чужой край. Приглашение было назойливым. Туристские агентства, пароходные фирмы, авиационные компании, даже само итальянское правительство умоляли его оставить привычный комфорт и отправиться за границу. Он принял приглашение, он доверился их гостеприимству, а теперь эта древняя стена сказала ему, что его не хотят. Никогда до этого часа он не чувствовал себя ненужным. Никогда ему этого не говорили. Он был нужен ребенком, нужен молодым человеком, нужен как любовник, как муж и отец, необходим как автор, собеседник и товарищ. Если существовало что-нибудь крайне необходимое, то это был именно он сам, и его единственная забота состояла в том, чтобы щадить себя, чтобы благоразумно и осмотрительно расходовать свое обаяние, до такой степени полезное. Он был нужен для гольфа, для тенниса, для бриджа, для шарад, для коктейлей, за деловым столом — и тем не менее, эта суровая древняя стена адресовалась к нему так, словно он был парнем, безымянным прощелыгой, отверженным. Он был глубоко уязвлен...

Лед хранился в подземелье замка. Захватив шейкер, Сетон спустился туда, приготовил мартини и поднялся с коктейлем на самую высокую башню замка, где к нему присоединилась жена, чтобы полюбоваться меняющимися красками заката. Тьма заполнила дырчатые соты утесов Торлонии, но в то время как вид скалистого берега вызвал в женской душе лишь какие-то натянутые приблизительные ощущения, Сетон отдался во власть чувства глубокой нежности.

— Я бы могла спуститься в кафе после обеда, — заговорила жена, — кстати, посмотрю, как они там справились с дублированием.

Она не понимала остроты его переживаний, связанных с работой на телевидении. Никогда не понимала. Он не сказал ничего. На расстоянии, с этой башни его смогут, думал он, принять за того, кем он не был, — за поэта, за туриста, за друга Эльзы Максвелл, за принца или графа, но мир, лежавший вокруг, в сущности, не обладал силой, чтобы возвысить и изменить его. Он был только самим собой — автором «Прекрасного семейства», которое с таким неприличием и с такими издержками перетащил через границы и моря. Грандиозная, красочная оправа не изменила того факта, что он был загорелым, влюбчивым, ненасытным и что заложенный здесь королем Испании камень, на котором он сейчас сидел, врезался ему в зад.

За обедом повариха Клементина спросила, можно ли ей пойти в деревню посмотреть «La famiglia Tosta». Конечно, и мальчики ушли с матерью. Сетон отправился после обеда обратно в башню. За молом двигались светящиеся стаи рыб. Из деревни к нему доносилось бельканто матерей, сзывавших своих дочек, и время от времени треск телевизионной установки. Все это окончится через двадцать минут, но ощущение причиненного вреда мозжило в костях. О, как одному затормозить наступление варварства, вульгарности, отрицания? Увидев свое семейство, поднимающееся при свете фонаря по лестнице, он спустился вниз, чтобы встретить их около рва. Они были не одни. Кто это с ними? Чьи фигуры поднимаются кверху? Доктор? Майор? И маленькая девочка с гладиолусами в руках. То была делегация, и при этом дружественная, как он мог заключить по их веселым голосам. Они явились, чтобы воздать ему хвалу.

— Это было так прекрасно, так забавно, так житейски правдиво! — сказал доктор.

Девчушка поднесла ему цветы, а майор обнял.

— А мы думали, signore, — произнес он, — что вы просто поэт.

Сокращенный перевод с английского
Л. МИХАЙЛОВОЙ

---

* Поэт (итал.)
** Мой грех (итал.).
*** Семейство Тоста (итал.).

* Акула (итал.)
** Гадкая (итал.).
*** Американцы, убирайтесь домой!

зарубежная панорама

Аккомпанемент

В Париже выпущены пластинки с записями песен вьетнамских партизан. Они были сделаны в Южном Вьетнаме, часто во время боев, французской журналисткой Мадлен Риффо.

В коротком предисловии М. Риффо просит извинения у слушателей за «некоторые технические погрешности, вызванные тяжелыми условиями. Однако то, что вы услышите, — говорит журналистка, — правдивый голос борющегося Вьетнама». «Технические погрешности» — это свист падающих бомб, американский аккомпанемент к песням вьетнамского народа.

ИЗДАЕТСЯ В ЯПОНИИ

Издательство «Коданся» в Токио выпускает новую серию «Наша литература» в 22 томах. Составители и редакторы издания — писатели Кандзабуро Оэ и Это Дзюн. В серию войдут произведения современных японских авторов — Хироси Нома, Абэ Кобо и других. Каждому писателю отводится отдельный том с вступительной статьей.

Премии «Дома Америки»

«Дом Америки» (Куба) присудил литературные премии за 1966 год. Жюри, в которое вошли видные литераторы Латинской Америки и других стран, рассмотрело огромное число работ — около четырехсот, представленных на традиционный литературный конкурс «Дома Америки» из различных латиноамериканских стран.

Первой премии по поэзии удостоен чилийский поэт Энрике Линн за «Разгром» и другие стихотворения. Премию за рассказ получил кубинец Хесус Диас Родригес. Жюри отметило отличное литературное мастерство его рассказа «Трудные годы», посвященного теме революции. Премия присуждена также аргентинцам Освальдо Драгону за пьесу «Героика Буэнос-Айреса» и Марте Траба за роман «Летние церемонии».

«ФАРАОН» НА ЭКРАНЕ

На экраны польских кинотеатров выходит новый фильм Ежи Кавалеровича «Фараон» по одноименному роману Болеслава Пруса.

Кинокритик Леон Буковецкий рассказывает в журнале «Ведза и жице», как снимался этот фильм.

Большинство натурных съемок производилось в пустыне Кызылкум, недалеко от Бухары. Жара стояла такая, что цветную пленку приходилось хранить в холодильнике. Когда для съемки потребовались две гигантские скульптуры, изображавшие египетских богов, высотой более десяти метров каждая, то их отлили прямо в пустыне, на их сооружение ушло несколько десятков вагонов гипса. В массовых сценах принимало участие одновременно почти до 4 тысяч человек.

В «Фараоне» нет «дублеров». Исполнители главных ролей сами выступают во всех батальных и массовых сценах, они же и управляют колесницами.

На снимке: фараон Рамзес XIII на колеснице (актер Ежи Зельник).

Премьера пьесы Дюрренматта

В Цюрихе, а затем в Западной Германии состоялась премьера новой пьесы швейцарского драматурга Фридриха Дюрренматта «Метеор».

Критика довольно сдержанно приняла эту, по определению драматурга, «комедию о смерти». В беседах с журналистами Ф. Дюрренматт заявил: «Сюжет пьесы — фикция, невозможная в жизни... В основе каждой пьесы должна лежать творческая находка, на которой держится все остальное. В «Метеоре» — это трагедия человека, который не имеет возможности умереть».

В интервью, опубликованном западногерманской газетой «Крист унд вельт», Дюрренматт рассказывает о своей работе над произведениями для театра.

«Работа над созданием пьесы — это поиски образов, ибо они-то и несут в себе идею, — говорит писатель. — Когда-то я собирался стать художником. Наверное, поэтому у меня сохранилась привычка делать набросок каждой мизансцены. Я начинаю писать, имея перед собой готовый макет спектакля, и становлюсь, таким образом, своим собственным режиссером. Я вижу все, о чем пишу, в трех измерениях. Разумеется, я думаю в процессе работы и об актерах, которые будут играть моих героев, ведь в большинстве случаев они известны мне заранее. И во время работы над пьесой, и во время репетиций я одновременно являюсь своим собственным зрителем».

«ВОРОХ» Жака Превера

В парижском издательстве «Галлимар» вышла новая книга Жака Превера, известного французского поэта. Книга шутливо названа автором «Fatras», что означает «Ворох», «Смесь». В ней собраны лирические стихотворения, стихи-песни, публицистическо-философские миниатюры, а также «коллажи» — то есть иллюстрации, созданные самим Превером с помощью фотомонтажа.

В каждой строчке стихов, в каждой песне, вошедшей в новую книгу Превера, звучит голос поэта, любящего жизнь и ненавидящего войну. Превер-публицист высмеивает милитаристов и палачей — проповедников человеконенавистничества. Превер-жизнелюбец провозглашает:

Когда объявили
войну,
Я собрал все мое
мужество
И задушил
Войну.

А Превер — поэт простых людей, поэт бедняков — отстаивает настоящее — а не жалкое, ханжеское, филантропическое — достоинство и счастье человека.

Я запачкал тебя,
улица.
Ты прости
Человек-реклама
дал мне проспект
Армии Спасения.
Я бросил его
И вот он теперь
смятой бумажкой
лежит
В твоей сточной
канаве
И вода его
не смывает.
Улица, ты прости
мне обиду
Скоро приедет
мусорщик
Со своей машиной
И машина очистит
канаву...

Новая книга Превера... «Это самая обыкновенная книга, — сказал о своем детище поэт, — только в ней много картинок». Но уже сейчас можно предсказать, что скоро в Париже, во всей Франции, да и за ее пределами, зазвучат новые песни, новые мелодии к стихам Превера, вошедшим в сборник под неприметным названием «Ворох». Новая книга Превера встречена французской литературной общественностью с большим интересом.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВСТРЕЧИ

Софийское издательство «Народна култура» выпустило сборник «Балканские писатели». В нем — произведения различных жанров тридцати четырех литераторов балканских стран. Это писатели из Албании, Болгарии, Греции, Румынии, Турции, Югославии — главным образом участники состоявшейся в Софии полтора года назад первой встречи писателей юго-восточной Европы.

На этот раз встреча их произошла не в зале заседаний дворца «Враня», а на страницах литературного сборника. Этот сборник, так же как и одна из последних книжек журнала «Септемвры» за прошлый год, посвященная литературам балканских стран, — плоды встреч за круглым столом, свидетельство стремления к широкому культурному обмену.

«Принцесса», победившая смерть

Медицинская сестра Сейя больна неизлечимой болезнью, ей осталось жить не более года. Но девушка не сдается, продолжает работать. Узнав о ее трагической судьбе, Гюннар Маттсон проникся к ней глубокой симпатией. Вскоре молодые люди поженились. Вопреки предсказаниям врачей болезнь Сейи после замужества не обострилась, и она родила здорового мальчика. Доктор, годами лечивший ее, с удивлением констатировал после родов, что никаких следов болезни у молодой матери обнаружить не может.

Все это не выдумка, а подлинная история, описанная мужем Сейи молодым финским писателем Гюннаром Маттсоном в романе «Принцесса». (Так в первые дни знакомства он назвал свою будущую жену.) Книга о мужественной борьбе человека со своим недугом, о любви, победившей смерть, за два месяца стала бестселлером в скандинавских странах и уже переведена на несколько языков.

Шестьдесят седьмой роман

«Она так хорошо известна всем и каждому, что ее принимают здесь как нечто само собой разумеющееся, повседневное, вроде телефонного аппарата в собственной гостиной». Эти слова принадлежат корреспонденту лондонской газеты «Санди таймс» Франсису Уиндому, и сказаны они об английской писательнице Агате Кристи, которой только что исполнилось 75 лет. Советский читатель знаком с Агатой Кристи по нескольким повестям и рассказам, а также по кинофильму «Свидетель обвинения».

В последние годы Агата Кристи каждую весну дарит своим соотечественникам новый детективный роман. На этот раз это будет ее 67-й. Но бесполезно спрашивать, о чем он. «Я никогда не говорю о своей работе, пока она не закончена». Мотивы преступления и личность убийцы откроются лишь на последних страницах.

Перу А. Кристи принадлежат произведения и других жанров. Ею написано два десятка пьес, шесть сентиментальных романов, книги об археологии. А в прошлом году появилось собрание ее коротких рассказов и стихов для детей. Писательница с юмором относится к этому виду своего творчества, справедливо считая, что интерес публики привлекают только ее детективные романы.

«Я была воспитана на Диккенсе и всегда любила его... Конечно, читаю я и современные детективные романы. Однако все чаще на смену детективному роману приходит роман преступлений. То, что в Америке называется «gabblers», — не что иное, как серия эпизодов насилия. Я нахожу это очень скучным!» — говорит Агата Кристи.

«Литературная газета» выходит
по вторникам,
четвергам
и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 9-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-88. Коммутатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 50087

Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Б—03937

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ,
Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам главного редактора),
А. ТЕРТЕРЯН (зам главного редактора).